

А.Н. Знаменская (19.01.05, 2 кассеты)

Второе интервью. Часть 1

Записала Т.Косинова

А.Н. рисует схему своей деревни.

... Эта дорога называется Никифоровский тракт. Вот здесь у нас будет Устюжна. Устюжну, как Москву – все должны знать. 750 лет ей было позапрошлый год. Вологодская область. Вот, едешь, едешь, едешь от Устюжны. На 6-м километре надо свернуть вот сюда налево по Никифоровскому тракту. А там дальше прямо будет Никифорово, потому и Никифоровский тракт. Там, я не знаю, тридцать с чем-то километров или больше – Никифорово, уездный город был такой. А здесь уже просёлочная дорога, всего полтора километра от тракта влево. Вот, въезжаешь, и вот тут стоит школа. Сейчас её нету ничего. *(рисует и говорит; схема получилась не очень удачная, но есть, если надо, можно отсканировать и прислать)*

А это уже Обухово, деревня?

Да. Оно как бы сюда заходит...

А школа это какой дом? Трех-двухэтажный? Одноэтажный?

Не-е-т. Деревянный, одноэтажный. Учились до четвертого класса. Вела учительница одна.

А какого времени постройка?

А, вот, где-то до революции, какой-то помещик построил. Так и не знаю... А музей-то знает, если сходить.

А там музей есть, в Обухово?

В Устюжне. О, какой музей!.. Какие там сотрудники серьезные работают. Устюжна – очень культурный центр был такой. Театр там был...

А этот дом цел? Школа?

Нет. Его нет. И как было интересно. Было вот так обсажено березами по периметру. А забор не было. Но вот были березы, и вот эта как бы территория. Было очень интересно. Вот проедешь сюда, и вот это как бы околица. Её не было как околицы, но школа была за деревней.

А это пролесок такой или что?

Нет. Тут даже ставили такой заборчик, ворота. Это как бы граница деревни, то, что за околицей, значит.

А здесь везде лес или что?

Поля, здесь поля... Тут уже всё разработано... Поля... Вот сюда доедешь. И вот здесь пруд. Он небольшой, конечно, но пруд. Пруд, понятно что такое? Не озеро, а пруд.

А здесь поля, и здесь поля?

Да, да. Здесь поля. Пруд. Так дальше едешь, едешь. И здесь стояла церковь когда-то, маленькая часовенка. Небольшая церковь. И тоже обсажена березками, но такие тоненькие еще были. Вот так тоже было обсажено. Ни забора, ничего не было.

Деревянная, да?

Деревянная. Небольшая церковка. А вот здесь вход был. А кругом церкви была такая крытая галерея, и мы по ней бегали кругом. А вот там в окно посмотрим, а там – иконы... Страшно становилось... Мы здесь любили играть. Вот здесь уже, даже чуть подальше, вот это уже шла улица... Вот это как бы как площадь какая-то получалась...

Площадь для сбора? Для чего? Или для рынка?

Нет. Не для чего. Так расположились дома. Рынка не было в Обухова. Это так, это – вот сюда улица вторая, а еще одна немножко вот так, наискосок шла. Получалось три улицы. Вот здесь стояло здание такое - большой как бы сарай – пожарная часть. Там были лопаты, шланги..., что, если что, открывали и из пруда качали... Сами, конечно, качали. Никакого там электричества не было. Это я еще помню, как ребята с двух сторон качают...

А площадь где? Обозначьте получше.

А вот это место какое-то, как бы расширение такое...

И там люди собирались?

Ну, да как... Не-е-ет. Вот здесь, вот примерно, был мирской камень. Вот напротив мирского камня, вот, наш дом-то здесь и стоял. Вот он как-то получился в самом центре...

А вот здесь везде дома, дома, дома...?

Всё дома. Причем, очень плотно было. Очень плотно. И с этой, и с этой стороны. И здесь всё дома, и здесь. Вот, так вот. Вот это всё наше было. Так мы, вот, на этой стороне стояли. Вот это наш дом, тут ворота, здесь конюшня, тут сарай, тут амбар...

Подождите, сейчас мы покрупнее нарисуем двор на другом листе, а то тут места не осталось. А там сзади поля? Или лес?

Поля, поля, поля, поля...

Всё за домами, да?

Да, да, да.

А сколько домов было в деревне?

Шестьдесят с чем-то, или пятьдесят девять, около шестидесяти. У меня там в книжке есть, я сейчас уже не помню. Что-то там... триста с чем-то..., двести с чем-то жителей.

А здесь эта улица так и идет, и тут тоже дома, да?

Это вы так сюда въезжаете, а здесь уже тоже перелески, поля. Вот было три «рукава» - вот сюда улица, сюда идет, и сюда. Ну, вот, конечно, дорога здесь поближе... Надо мне нарисовать, видимо заново.

А реки не было?

Нет, нет. Река только в Устюжне, вот, Малога, шесть километров. Даже озера не было. Иван, мой свидетель, когда ему прочитала, что Иван Грозный в 1500 там каком-то году, издал указ, чтобы на этом месте деревня Обухово будет. Одна из жен его где-то там в заточении, в нашем Кирилло-Белозерском монастыре, он там чего-то навещал и останавливался в Устюжне несколько раз. И вот в этот-то году, у меня там в книжке точно написано, он дал указ, чтобы тут деревня Обухово... Я говорю, вот, молодец какой! Видишь, Иван. - Дурак этот Иван. Реки нет. Озера нет. Какая тут деревня!

Нарисуйте покрупнее.

Вот стоит наш дом. Не ах! какой. Когда увидел мой племянник, он говорит: - Я уж думал, у вас двухэтажный! Ничего, обычный. Как почти у всех. Три окна вперед, и тут идут уже окна... Вот только длина разная. Здесь у нас было одно окно, здесь кухня, здесь спальня, здесь еще было одно окно. Здесь, так сказать, заборчик идет... Здесь тоже... Ворота. Так открывается. Здесь маленькая верандочка, и потом сюда вход. Так вот входим мы... Вот. И здесь сразу стояла кухня. Маленький здесь был проулочек, мы туда прятались всё... Это была конюшня. Стоял рысак. Орловский. Если ты дальше пойдешь, за домом обязательно, сразу же, под этой же крышей длинный двор. Здесь как бы такие сени, там хранилось всякое... Вот тут отгорожено обязательно – это уборная. А это хлев, там корова стояла. У нас одна была. Там где-то отгорожено для поросенка, там где-то отгорожено для ... Вот здесь был из толстых бревен хороший амбар, с большим вот таким замком.

Напишите: амбар.

Амбар знаете, что такое? Где зерно хранилось. Дальше тут у нас ягоды были...

Это кусты ягодные, да?

Кусты, кусты, кусты.

Смородина, да?

Крыжовник был и вороньи ягоды. Вот я не знаю, как вам объяснить...

Такие типа черной рябины, но мягкие?

Да. Мягкие, длинненькие.

Каринка у нас называется.

Нет. Такие кусты небольшие были, с горечью такое. Каринка сладенькая... Не знаю. А это баня стоит... А тут, недалеко от бани, и был колодец. Недавно только уже кончил функционировать. Всё им только пользовались. Очень глубокий был. Весь колхоз здесь пользовался. А еще дальше сюда пройти, то вот здесь было большое-большое здание, которое называлось у нас «ладонь». Как же это... по-городскому-то? О, рига. Понятно, да? Где молотили.

Это всё было ваше?

Да. И у каждого было всё это. У каждого было. Это рига была. Здесь сушили зерно, молотили, проветривали. А дальше поля шли.

Поля ваши?

И наши. Нашей деревни. А вот здесь, между прочим, был забор. Вот здесь как-то не было, а вот здесь был забор и ворота. А вот это – околица была. Вот туда за околицу ходили гулять девки, и

сюда. Там в деревне старики тоже не хотели, чтобы они беспокоили. Вот все наши постройки. А вот это место – здесь у нас грядки были...

Огород?

... яблони... Огород.

Огород и сад?

Да. Огород... И сад.

А здесь что? Здесь какие-то соседи?

Здесь дорога вот, идет за околицу... А-а... Вот еще за нашей ригой, вот здесь уже еще был один дом... Это Ивана Федоровича половина. Его отец – Федя Дюжий называли. Дюжий - это такой сильный! Он невысокого роста, но такой... Копия Сталина. Он был так похож...

А это улица?

А это улица. А здесь, вот, дома. Точно напротив нас жила Катя Краснова, на которой я свадьбе была. Вот это дом...

Напишите: Катя Краснова. Катя Краснова это ваша ровесница, да?

Нет. Она уже девка, замуж выходила, а мне еще 7 лет... А вот здесь моя была подруга – Нюша. Дом, куда я езжу сейчас. Дальше здесь были Пужинины, два брата.

А у них туда шли все постройки?

Нет, окна сюда.

А ваши, вот, как-то так вдоль улицы, да?

Вот у нас так получилось, как-то не знаю, потому что тут уже некуда было развернуться. Здесь Пужинины. Эту фамилию мне хочется написать. Пужинин Иван и Пужинин Василий. Потому что они помогали, когда нас раскулачили, они помогали нам прятать ценные вещи. А на собраниях выступали такими активистами, и в общем..., такие двуличные были... - А, колхоз! Давай! – И никто из деревенских не знал, что на самом деле они были нам такие сочувствующие... И я теперь уже, когда им сказала, то бабы так и ахнули. – Это Василий-то?! Такой-то агитатор! Да на каждом собрании горло драл! Я говорю: – Нет! Вот так-с! И стулья прятали в их сено туда, к нему. Да даже комод. Можете себе представить? Ведь всё равно жалко было. Комод этот сейчас у меня в Пестове стоит. И стулья, два, еще вот здесь есть, которые спасали Пужинин Василий и Пужинин Иван. А у Ивана была тетя Таня. А у них детей не было. Здесь были дети, а здесь не было. И когда я первый раз поехала... Ведь надо было очень обдумать, как мне приехать... А ведь мне как хотелось... Я уехала – мне было 8 лет, а когда уже поехала – мне было 17, наверное, или меньше. Я уже барышня была. Девять классов кончила. И вот – хочу в Обухово! Ну, отец договорился с каким-то... Автобусов не было. Какая-то грузовая машина шла. Он сказал: - Подхвати девчонку! Ну, конечно, заплатил. И я там стояла около кабинки и держалась. Ну, 50 километров, чего там! С ветерком! Он до Устюжны, и потом я уже пешком здесь шла. Мама сказала: - Иди к Пужинину Ивану. У них детей нет. Он очень хорошо в механике разбирался. Колхоз без него пропадет... И если он примет дочку кулака, ему за это все равно ничего не будет, потому что они пропадут без него. Ну, всё равно... Детей нет... А к Василию не ходи, у них ребята... Чтoб на них не навести такую тень.

А зачем вам туда нужно было?

Ой! Ну как же так! Выгнали! Ну как же... Мне хотелось и подружку свою увидеть, и дом свой увидеть...

То есть первый раз вы были там после выселения?

Да. Я была в 1939. И даже, может быть, после восьмого класса. Я помню, что я уже такой барышней была. Или после девятого или после восьмого была. Да. Я приехала. И сразу к тете Тане. Она меня узнала. Вот и сидела я у нее, мне нельзя было выйти.

Почему?

Да как же?! Кулацкая дочь приехала! Ну, кто-то со мной поговорил – значит ты подкулачник! Начнут тебя прорабатывать... Как вы это не понимаете – время! Вот до вас никак не доходит! Я и дочке талдычу-талдычу. Она как задаст вопрос – опять «не в дугу».

Нет. Я-то вопросы специально задаю.

Я понимаю. А я специально делаю вас такими дурочками, что вы ничего не понимаете... Вот. Тетя Таня меня очень хорошо приняла. Ну, я ночевала, конечно. - А, Нюша-то, а Нюша...? – Да, подожди, она в колхозе дояркой работает, в таком почете... Тонюшка, уж ты... Вот, чтобы Нюше-то не испортить... биографию... Уж подожди, уловчимся. Я уж тебе «устряпаю» это

дело... И вот вечером... Никогда мне этого не забыть... Я сижу, в окно посматриваю из-за занавесочки, чтобы тоже меня было не видно... И вдруг вижу, она вышла... А вот это вот сюда, вот это место – шла вот здесь Ньюша-то... И вот здесь дорога под горку шла. Мы здесь катались... А вот здесь повыше. Ну, вот в этом доме. А я, вот, скажем, в этом. Я её вижу. Она стоит. Ну, босиком, в платице, такая очень стройненькая... Она красивенькая была. Выше меня ростом. Такая очень вся пропорциональная. С хворостиной стоит. И вот так смотрит (*держит ладонь над глазами*). Должна корова идти с поля уже, слышны звуки. А я кричу: - Тетя Таня, тетя Таня! Посмотри-ка... Она: - Ну-ну! Ужо..., ужо... Я выйду, и крикну ей. Ну, вот, я не помню, не удалось как-то... Я тогда с ней не пообщалась. Так и уехала. На второй день я уже должна была уехать с этим же шофером, туда-то должна была подойти. А чего-то... сейчас я уже не помню... Подробности выдумывать не хочу. Но только с ней я тогда не увиделась. Мы уже встретились, когда у нее уже дети были, у меня уже внуки были. Вот, во взрослом... А вот тогда-то, в этот возраст, мы и не встретились.

А дом ваш? Вот помните, вы говорили, что дом потом куда-то перевезли?

Да. Четыре километра всего. Вороново.

А эта деревня дальше? Или... Куда эта деревня Вороново? Туда?

Вороново. Вот так. Если ехать, Устюжна, вот здесь поменять, а Вороново – еще километра два проехать. И потом куда-то свернуть. Вот не помню... Сюда, кажется. Еще свернуть, и еще два километра, и тут Вороново будет. Так что пешком можно. А мы на машине съездили. А вот в этом году я не поехала. Я тогда так тяжело пережила, думаю, чего я буду в себе сердце рвать...

А это было еще до войны, когда вы тогда решились на такую поездку?

Да, да. До войны, до войны.

И летом, да?

И летом.

То есть не учились?

Нет, нет. Я тоже помню, там, в каких-то тапочках, или босиком была. А ведь вот... А это когда же было...? Помню, там, в каких-то тапочках, или босиком была. А ведь вот... Слушайте! А вот чего было... Ага... Правильно... А на второй-то день... Точно... Я к тете Тане-то приехала к вечеру, сразу к ней забралась, не выходила. А на второй-то день все в поле ушли, в деревне-то никого нет. А вот у этого камня-то ребятишки. Она и говорит: - Вон, в вашем-то доме теперь детский садик сразу сделали. А вон там гуляет... Назвала, Пелагея... или кто-то, воспитательница с ребятами. Они около этого камня... Им, там, два-три года, вот такая «мелочевка». Она говорит: - А ты сходи, сходи. Сейчас никого нет из колхозников. Ничего. Попроси, она пустит тебя. Вот. И я пошла. Я подошла к этому камню, поздоровалась, сказала: - А можно мне в наш дом? Она так смотрит: - А как ваш дом? Я говорю: - Да я Головина, Николая Александровича. – Ой, ой, Тонюшка! Ну иди. Посмотри. И пошла со мной. – Пойдем, пойдем. У нас всё хорошо, чисто, мы тут соблюдаем... Я вошла и сказала: - Ой! Какой маленький! А я думала, у нас большой дом. А у нас и в Пестове сейчас почти такой же дом. Когда маленькая – мне казалось это всё большим, а оказалось, ничего тут особенного такого и нет. Она показала, где ребятки спят, ну, спросила, как папа, мама, да здоровы ли... И всё. Больше мне делать нечего. В доме я своем побывала. Попрошлась с тетей Таней и ушла. Вот это до войны было. А потом уже только после войны. Уже с сестрой поехали мы. А потом уже я зачастила, теперь езжу каждый год...

А много там ребятишек было в колхозе?

Двести там с чем-то. Ах! Нет. Это всех детей разного возраста. Нет, не так много. Я не помню. Я не спрашивала. Но так вот, зрительно, человек 12-15. Но это еще разного возраста, а старшие, может, ушли куда-нибудь, там, в поле. А это, которые маленькие. Камень этот такой же был большой – на него не забраться. А теперь мне до колена. Я всё удивлялась... Я и про камень сказала: - Ой! А камень-то какой маленький! Он же большой был. Таня говорит: - Это ты, Тоня, выросла. Камень-то тот же. Ну, сейчас за шестьдесят и больше лет, он ушел... Сейчас даже видно, за эти года... и то он уходит в землю, зарастает.

А его специально привезли или он там стоял?

А вот не знаю. Может, привезли, а, может, он стоял. Моя мама сказала мне так... Я говорю: - А чего «мирской» называют? А это у них сходы были мирские, там мужики собирались, когда вопросы какие-то решали, там, с землей, с налогами. Так вот собирались. И староста, или как

там его называли, «голова» вставал на камень и выступал, повыше чтобы быть, как трибуна. Ну, а уж при колхозах там у них были правления... Бери любой дом кулака - Правление будет, собрание... А вот при царе-то - «мирской» камень... И она мне еще сказала, что наша фамилия, потому что кто-то у нас из Головиных, кто-то из этого рода «головой» был вот этой общины. И когда была потребность фамилию дать детишкам, так говорили, так это ребятишки-то Головина, «головы». Так Головины, Головины, и пошла эта фамилия Головины.

А, то есть три улицы, где это...?(возвращаемся к нарисованной схеме деревни)

Да, да.

А вот эта улица называлась как-то?

Нет. Никак. А теперь вот здесь построены большие скотные дворы. Но сейчас они все заброшены.

Это во время колхоза?

Да. Здесь были скотные дворы.

А сам колхоз был животноводческий?

Да обыкновенный. Там и зерновые, и всем они занимались. Назывался «Новый быт». «Новый быт» был. Я помню, Господи...!

А он с самого начала так назывался?

С самого начала. Нас уже «вытряхивали» в 1930 году, уже функционировал этот «Новый быт». Уже мы назывались не Обухово, а «Новый быт». Ну, что! Я помню, мы катались на санках, или что... Проезжают некоторые, спрашивают: - Как эту деревню-то зовут? Там, свернуть как-нибудь покороче... И мы все отвечали: - «Новый быт»! Ну, кто постарше ребята, соображали: - Обухово! Обухово! - Ну, вот теперь понятно, значит им уже ориентировка, где. А то куда заехал? В «Новый быт». А нам было очень интересно так отвечать...

А до леса было совсем близко?

Близко, конечно. Но леса такие не очень дремучие. Близко. Если подальше... Там леса, болота хорошие были. Но подальше. А мы-то ходили тут, поблизости.

А поля? Сколько у вас было, вот...? Как их измеряли...?

4 га.

4 гектара.

Да.

А где они находились, ваши поля?

А вот тут, как выйдешь за околицу, вот тут и были разбросаны.

Вот тут. Где тут? Дальше? Там?

Да. Вот там наши были поля. А кто здесь жил, в этой стороне были поля. И я помню, мама, когда мы еще в Сибири были, рассказывала, что, вот у нас было 4 га на восемь человек. У нас шесть ребят было и родители – восемь человек. Мама говорила, что до революции они в аренду брали у попа, эти земли принадлежали священнику какому-то. И вот когда они поженились-то, молодые, а свекор их вытурил из дома – всё, живите своей семьей, так не было ни земли, ни дома – ничего. Ну, они дом построили потом, а земли-то не было... Так она говорит, брали в аренду у попа. Она считала это, не совсем и хорошо даже. Вот, говорит, сена накопить нужно. Условия такие, поп говорит, значит, скажем, для коровы нужно два стога. А накопишь четыре: два – попу, а два - твои. Она говорит, так нам с отцом, молодым, четыре-то стога – и ничего. Ей казалось, что ей хорошо. И также там под посевы брали. А вот потом после революции, где-то в 20-х годах, да и сами крестьяне захватывали. Я смутно помню, все бежали в поле, какое-то было столпотворение, народу много, и все говорили, что что-то измеряют, всё измеряют..., кому какое. Кто-то недоволен, кому-то такая досталась... Вот это помню отлично. Ну, вот как-то..., в каком-то тумане. Значит, где-то после 20-х годов, наверное, распределяли, и нам досталось. Так, 4 га - это вместе с лесом, вместе с покосом, даже кусочек леса. У нас был свой лес. Его можно было распахать. Но пока он сохранялся. Так что, не ах! сколько. И все равно кормились с небольшого... Чего там, 4 га! И лес, и покос, значит, высчитать. Сколько там было пахоты... И кормили... Комбикормов ведь не продавали. Скотину всю кормили. Овес надо было рысаку такому – отборный, ни какой-нибудь. Клевер – так тоже. Клевер сажали. И нас восемь человек. И кормились. И зерно, хлеб не покупали, понятия не было.

То есть выращивали овес, выращивали...?

Пшеницу, просо, ячмень, горох. Горох сеяли большими площадями. Я отлично помню, как мама попросила деда, потому что отец-то мой сидел шил, не до крестьянства было. Он редко выходил, так, размяться. Вот любил косить... А вот чтобы там землю пахать... Нет! Это ребята уже подросли, когда... Особенно Ваня, старший... Вот. Или племянники приходили помогали, соседа просили. Так я помню, дедушка Михайлов... Ну, это наш дедушка... Тот, конечно, про «за так»... Висит такая корзина, в лаптях он идет... В лаптях удобнее всего по паханой земле ходить... Берет горсть гороха и об эту корзинку вот так ударяет (*имитирует звук удара*), и горох разлетается. Так сеяли. И так идет, идет. Я помню, долго стояла, смотрела... Опять повернется, дальше идет... Так сеют горох. Горох сеяли обязательно. Зато мы гречневой крупы век не видели. Я и до сих пор не могу привыкнуть. Рисовую кашу никогда не ела я, только в пирогах, вот, в мясном, добавка эта делалась... Или вот с изюмом, когда...

Кутья?

Да, кутья. Или вот это... сочиво. Вот на Рождество. Сегодня же Крещение еще. Вот на эти праздники. Это только в таком виде... Я кашу не ела. Пшено было. Оно более дешевое. Это всё привозное, дорогие были...

Пшено тоже не выращивали?

Нет. В наших краях не выращивали.

Просо это, да?

Просо. Да, да. И вот ячменная каша. Ячмень-то сами, в жерновах, это мы даже крутили. Бросаешь горсточку – и в жерновах. И вылетает крупа. Мы собирали. А с этим рисом у меня получилось... Когда я вышла замуж, это было в 1947 году... В коммунальной квартире, в ванне жили, и вдруг карточки отменили, стали крупы всякие продавать... Я пошла и купила полкилограмма, кажется, риса. И взяла и кашу сварила, попробовала. Конечно, на воде. Такая вкусная! А то мы как-то всё пшено... Муж любил пшено, там, с сахаром, ничего, тоже на воде. А тут не знаю как, почему-то купила рис. Да и сварила кашу. Я тут же подсчитала, и у меня оказалось, что рис очень выгодно. Он же дает большой навар. Ведь можно 1:7. Один стакан и семь стаканов воды. И будет каша, понимаете? А пшено, самое большое – 1:4. Я подсчитала, что по деньгам выходит, что это можно вполне покупать, и это даже дешевле, или в той же цене, как и пшено. Я женщинам и говорю, что вот у меня такие результаты подсчетов. Такая каша вкусная! Я теперь буду только... Одна у нас такая..., очень партийная: - Ну, ты как еврейка, всё высчитала... Я говорю: - Ну, и правильно, а чего же... И после этого они меня Сарочкой звали. (*Смеется*) Я этот рис запомнила. Чего они меня так прозвали? Я не обижалась, мне очень даже нравилось... У меня потому что много девчонок было, и я их очень любила, и я не возражала. Но за этот рис меня вот прозвали так.

А скажите, а больше евреев в квартире не было?

Нет. А вот когда на Восстания переехала, там одна была А.Фарбанери(?) Я вот встретила в краткой истории евреев фамилия эта Фарбанери. Оказывается был какой-то священник, очень такой знаменитый, много трудов оставил, вот, в Талмуде... Я думаю, надо же, вот соседка-то моя, оказывается, какая у нее родословная. Может, она от тех была Фарбанери.

А вот скажите, я не поняла, вы не помните как было устроено землепользование?

Ой! Нет. На полях, конечно... Ну, я знаю, как горох, там... Ну, на покосе я была... А как, чтобы план – не помню.

Как это всё делилось, и кому что принадлежало, как это считали, вы не знаете?

Нет.

А как это называлось – чересполосица, или как?

А чересполосица называлась потому что... Вот, если бы дали, вот от меня, вот отсюда и всё это мои 4 га. Такого не было. А это так – вот кусок этот мой, а это – соседа, потом где-нибудь там еще кусок мой... Вот так... Это было неудобно. Вот зато и были крики, разговоры.

То есть у вас не было такого, что там от дома до леса ваша земля?

Нет, нет.

То есть кусок ваш, клочок...?

Да, да, небольшими кусочками.

А как так получалось? Не знаете, почему именно кусочками?

А я думаю, что ведь скажем, какое-то место - хорошая земля - 2 гектара, и отдали бы всё Головину, а там дальше идет – то болото, то кочки, то там камень какой-нибудь. Поэтому и делили, видимо, хорошая... *(стучит по столу, как бы демонстрируя дележ земли).*

А делили как? По душам? По тому, сколько человек было?

По душам. Да, да, да. Вот у нас было восемь человек – нам 4 га. Это значит, что по пол га на душу.

И это зависело от того, где находится деревня? Или можно было купить землю?

В принципе... Вот я не знаю... Мои родители не покупали, но в принципе, я знаю, моя подруга рассказывала, тогда можно было покупать. Еще и до революции ведь можно было покупать. А вот как после революции – не знаю. Вот у моей приятельницы вообще было, там, 70-80 га... Они у помещика, у генеральши какой-то купили. Они землевладельцы были уже крупные... Лес, и всё... В Псковской [области]. Самохвалово, деревня. Она тоже до сих пор туда ездит, слезы проливает.

А вот еще что, а скажите мне, пожалуйста, какой запах вы помните с детства? Вот в доме чем пахло?

Щами, прежде всего. Хлебом печеным раз в неделю. Вот это очень сладкий запах. Потом... Хорошие отец делал окорока. Это я тоже помню. Ой, войдешь... Мамиными пирогами, помню. Она большая была мастерица. Всегда пироги... Другие женщины – ой! ой! у меня тесто не поднялось..., там, праздник, горюют... У мамы всегда пироги хорошие были.

А щами, вот, чем пахнет? Кислой капустой или еще чем?

Не-е-т.

Что это за запах щей?

Я вас угощу. Это не объяснишь. У нас щи делали не из белой капусты, а из листьев зеленых. Это совсем другой запах, и другой вкус, и это самое вкусное блюдо. И вы лишены, бедные, вот этого.

Нет, я тоже люблю щи из крошева. А бульон постный или мясной? Или это зависело от поста?

Ну, бедные, конечно, постный. А у моего родимого батюшки всегда щи были с мясом. К тому же он мясник, кожи выделывал. Он же покупал живьем скот, закалывал, кожи отделявал, мясо продавал. Мы всё, конечно, не съедали... столько..., но всегда себе-то оставляли. У нас мясо было всегда.

А у кого он покупал?

На базарах, у крестьян. Один раз в субботу, вот в этой Устюжне – базар.

А вот скажите, кожей пахло? Кожевенное это производство оно же очень...?

О-о-о! Это было... Баня. Вот за баней еще кожевня тут была.

Это вы сказали дом Василия...

А-а, да, да, да... Федя Дюжий... Ой! Как это интересно... Федя Дюжий... Вот здесь еще была кожевня. Ну, а там такой запах... Ой! Ко-жевня *(пишет в схеме)*. Там-то вонючее всё. Потому что это должно киснуть. Там большие чаны, деревянные. И они там как-то укладываются в какой-то, так сказать, приготовленный специальный рассол и перекладываются корьём.

Кора?

Кора. Какого дерева, я не помню. Ходили, заготавливали мы. Потом у отца была даже машина куплена – корьезка. Потому что это очень тяжело. Потом высушить надо. И это долго там всё «квасилось». Потом вынимали эти кожи, вот эти тяжелые, представляете, кожи. Снимали волосы, и потом мздру..., та, которая была к мясу, она же такая неровная. И вот надо было ровно..., и дырку не сделать, и чтоб кожа...

...толще осталась?

Смотря для чего. Если, там, выделывать для более изящной какой-то обуви..., а если для рабочих сапог, то... И всё, конечно, у нас в доме пахло кожами, вот это правильно, и еще дёгтем пахло. Потому что их красили-то дёгтем.

Черным?

Да, чтоб черные. Причем несколько раз – высохнут... Но это не в доме. Это не в доме. Но всё равно. Потом, когда шили, запах-то был.

А где их красили? Всё в этой кожевне?

Да.

Это большое помещение было?

Мне оно не казалось большим, потому что там всё чего-то..., эти чаны стояли. А тут только столы какие-то были. Я не очень-то туда заглядывала.

А кого отец покупал? Свиной, в основном? Или коров тоже? Чью кожу выделывали?

Из коров. Да. Или баранину. Это уже на сапожки, на такие башмачки...

Не свиная кожа?

Нет. Ну, что вы! Какой позволит себе крестьянин? Это, извините меня, при советской власти и при колхозной, стали из свинины делать. Боже мой! Никто не делал из свинины! Я вот не знаю, куда они шкуру девали, или уж чего-нибудь делали для сумок..., вот для чего-нибудь такого... Но чтоб сапоги из свинины?! Я помню даже отец, когда посмотрит, вот эти кирзовые сапоги, потом... Он еще говорит, что... Он их определял...

Какие кожи, да?

Да. «Вот, – говорит, – безголовые, посмотри-ка, из свинины делают... Поросычья кожа...» Нет, нет, нет. Только корова.

Только корова, а на тонкие какие-то работы...?

Да, на тонкие... А если уж очень изящные надо туфли, шевро это называлась выделка, это он покупал уже готовое. Это уже только фабричной работы. Он не мог делать шевро. Это как шелк кожа – тонкая, мягкая. Это уже покупал. Купцы были первой гильдии, привозили всякий товар. Вот, скажем, нам..., сестре... Она уже барышня. Полусапожки такие, с застежкой, до самых почти коленок. Это уже покупалась готовая кожа. А сапоги, вот, выделывали сами кожу. Там в документах значилось: он торговец мясом, кожевник и сапожник. О, какой был!

А торговал мясом он где?

Да тоже в Устюжне.

В Устюжне. То есть он эти кожи снимал, а мясо потом на базаре продавал?

Да, да, да. Что-то себе оставляли. Это у нас почти вся деревня занималась этим. Все сапожники были, и все умели кожу делать, и поэтому вот как... Наша деревня считалась как бы зажиточной, и если девка выходила замуж в нашей деревне, ей... (конец ст. «А»)

Ст. «В» ... значит дёготь. Дёготь - это краска такая, да? Дёготь делают из чего?

О-ох! Из берёсты.

Из берёсты. Такой черный...?

Да, да, да. Тягучая, вонючая такая...

Смола?

Как смола. Совершенно верно. И, конечно, и покупали, и, наверное, сами делали. Я думаю, что отец-то покупал, этим-то уж он, наверное, не занимался.

А еще чем пахло в деревне?

(Смеется) Так все запахи перечислила...

Ну, летом и зимой, наверное, по-разному пахло?

Да, конечно... Овсяные блины... Первое блюдо. Вот каждый день утром мама пекла овсяные блины. Тонкие (сковороды были большие), со сметаной, с творогом, или просто с молоком. И на обед оставляли эти блины. Ко второму. Так что блинами так пахло...

Это кислый какой-то запах, да, от овсяных блинов?

Да, да. Это надо сквасить. Да, еще кисель делали. Вот я этот кисель тоже варю из геркулеса. Ну, а мама, там, конечно, муку овсяную... Она сама по себе... Кусочек корочки надо бросить, ночь-то постоит на печке, в теплом, и заквасится. Немножко мучки добавляем уже другой, пшеничной. И тонкие-тонкие, большие... Хорошо так...

Без яиц?

Без. Ну, что вы! Ой-ой-ой! Какие яйца?!

А яйца как ели?

А яйца мы не так много ели. Как-то яйца подкапливали на Пасху. А вот в Пасху так объедались... Были..., была такая уже непроходимость... Ели до сыта. А яйца как ели? Яичница. Это тоже на ужин. Это было традиционное блюдо: кусочки сала, пожарят, и разбивались яйца, там, сколько-то, пять – десять, смотря по семье, и молоко вливали, и чуть-чуть мучки еще. И вот такая яичница. Что еще...? А на второе, в деревне у нас было принято –

тушенная картошка с мясом тоже. Вот очень вкусно. Поскольку она стоит в печке долго, мама уже вскроет, скажем, и в 9 поставит, а едим-то мы в час, в два. Это три – четыре часа стоит. Картошка бывает такая медового цвета, вот такая желтенькая вся, пропитанная свининка там, пожирнее, и с мяском, с лавровым листиком, и с лучком. Очень вкусно! Я это делаю, но только «наверху». Маленький огонек. Очень правнукам моим нравится тоже. Но в печке лучше. Я пробовала в духовке, так жарко! Ну-ка, три – четыре часа не выключать духовку! Стала «наверху»... В деревне было очень интересно жить. Самая большая была горе, если человеку надо было выехать из деревни. Это такой вой, это такой плач стоял! Скажем, девка или парень – всё – надо как-то вот так, у них такие семейные дела, что надо выехать, там, на заработки, или куда. Что, вот, он оторвется на полгода, может на год, уж не говоря, там, в армию... Ой! как люди не хотели! Как это было больно оторваться от деревни! Настолько вот быт был какой-то интересный..., хорошо организованный..., что я не знаю... Ну, очень... А потом-то побежали из деревни как от пожара, лишь бы только убежать из деревни. А я как помню, это были слезы... Боже мой! Ну, надо, надо... выбиваться из какой-то... бедности... Мало ли как бывает, отец заболел, или еще что-то... Мужчины-то ходили на заработки у нас. Были, которые не занимались... Кто шил сапоги, то это всё... А были, которые не все 100 процентов, там, может быть, 60 – 70, но были которые... Я вот знаю, дядя Михаил делал грабли разного размера – маленькие, детские, для подростков, взрослых, для мужчин, для женщин – это же всё разные были грабли. Он, конечно, тоже никуда не уходил, и каждую субботу ездил и продавал. Имел деньги на керосин, на сахар... А некоторые – нет... Вот, я знаю, мои дяди тоже..., но уже двоюродные, дядя Петр, дядя Леша, дядя Кира – вот их три брата – они были хорошими строителями, плотники. Они уходили. Уезжали в Петербург. Заработают денег, весной уже, к весенней поре являются. С денежками, с покупками, с подарками. И для них это было привычно. Поэтому, когда начались эти волнения с колхозами, они первыми «снялись» с семьями, и сразу уехали, потому что их бы тоже раскулачили.

А что значит «волнения с колхозами»? Вот как они начались?

Очень просто начались. Начались собрания. Я первое слово «собрание» услышала. Собрание, собрание... Как вечер – уходят на собрание. – Ребята, вы тут сидите, внимательно, ведь керосиновые лампы, мы - на собрание. Вот и начали ходить. Придут, и, не мне лично, конечно, а между собой что-то там переговариваются: этот с этим поругался, этот то кричал, это другой кричал, такого-то в «средняки» записали, таких-то – в «кулаки» записали.

А кто это всё проводил?

А как же! Коля Кузин. Комсомолец. Самый бедный который был у нас. Он даже потом... Я даже вычитала где-то, я забыла, в каком документе, он даже был инструктор райкома.

А кроме Коли Кузина больше никого не было из агитаторов?

Посторонних нет.

Нет?

Нет. Приезжали. Вот, если проводить собрание, приехали... Ой! Сегодня какой-то там такой..., еще там... Назовут фамилию. А иногда и просто Коля Кузин. Но около него уже был комитет бедноты, уже они сорганизовались... Все комитеты были... И уже организовались... Кому как жить... И вот отца-то звали, что надо уезжать. А он не мог. Вот, видно, такая генетическая привязанность как у меня. Он сказал, да как это меня...! Ему сказали, да выселят - и всё. А отцу было непонятно, да как это выселят? Я дом построил, а чего..! Я никому не должен, ничего не ворую, всё что нужно уплочено. Да никуда я не пойду из своего дома!

А вот в этом следственном деле, которое вы читали... С Любой вы читали, да? Это Любиной рукой сделаны выписки?

Да.

Там написано, что он в 1929 году ездил в Ленинград.

Да. Да, да.

А что это был за эпизод такой?

А вот такой эпизод, что мужики-то уезжали, и как бы на разведку, что можно устроиться... И вот этот дядя Петр, и все эти три брата они тоже уехали... Но поскольку они и раньше ездили, им было легче, и потом... требовались, конечно... И всё. Они быстренько собрали детей, собрались и уехали. И отец ездил. Я не помню..., не с ним, это с его двоюродным братом, вот, с Василием Ивановичем, посмотрели-посмотрели, и не понравилось им городская жизнь. Ну как

вот? Нас шесть человек. Куда-то надо приехать. В каком-то там бараке, на нарах... Как это, что это... Ну, это бы ладно. Но надо все купить! И картошку, и капусту. Для него это совершенно было непонятно. Как это зависеть? А если там не продадут? А у тебя своего нет. Знаете, какая психология крестьянская! Когда всё в подполье у тебя. Спустился и взял. Знает, что крошево – до новой капусты, картошка есть, овощи все есть. Всё есть. Курицы – вот тебе яички тепленькие, они несут всегда, яишенка будет, молоко... У нас была корова такая, 18-20 литров давала каждый день. Сметана, творог – всё. А там – ничего! И всё это купить! Он посмотрел и приехал. Нет.

А это было при вас обсуждение, что нет, в город не поедет?

Да, да, это я слышала. Я не их разговор слышала, а я слышала как мама с кем-то говорила. У нас в семье не принято было, чтобы при детях что-нибудь... Взрослый разговор - и всё. Выгоняли нас, вытуряли, кыш! А мама какой-то соседке рассказывала. Вот я и слышала. Были разговоры, переживаний сколько! Кто-то сочувствовал, кто-то, конечно, и ехидничал, что, вот как что...

А было уже решение не ходить в колхоз, да?

Отец хотел в колхоз!

Хотел?

Да. Чего! И ладно, и будем все вместе работать! Ведь какое-то было время в начале... Но ведь какая инструкция. Видимо, в начале не очень там ясно было сказано: кто хочет - все записались. И отец записался. А потом, вот эти..., да вот этот Головин, да еще там кто-то... Даже мужики и не записались. Да буду я с этими лентяями... С Колей Кузиным...! А отец записался. Да не важно. Земля-то ... какая разница. Ну, вместе будем работать... Потом пришла какая-то инструкция другая. Вот я слышала. Не записывать в колхоз. Значит, колхоз, только всем вместе работать. Вот это я знала. Потом вдруг слышу разговоры: - Нет, вычеркнули. Вот нас вычеркнули, таких-то вычеркнули, таких-то... В общем, это все «кулаки». И записали нас в «кулаки». А в начале был такой период – всем можно было. Разделили нас – есть «кулаки», это «середняки», это бедняки. Мы, конечно, попали в «кулаки». Это все ходят на собрания, узнают там, услышат, и потом ведутся разговоры. И я слышу. Ну, и как назначили, что «кулаки», тут мужики быстро сообразили. А отец поехал, посмотрел, и обратно сюда приехал.

А до того, как не было всех этих агитаторов, до 1929 года, хронологию можно восстановить? Когда они появились, вот, эти..., Коля Кузин? Когда он появился?

Я могу ошибиться. Я уже последнее, вот, когда тут колхозы, когда раскулачивание – это я хорошо помню.

Это уже 30-й год раскулачивание? Или 31-й?

Может, 29-й... 30-й. В 1930 в мая нас выселили (*ошибается, по материалам дела – в 1931*).

А отца арестовали в каком году?

А его раньше...

29-й или 30-й?

Его пораньше... За год или за два даже... За год-то это точно. Так организовали ведь колхоз-то они, организовали... И мы еще были... И как у нас корову увели, я это отлично помню.

А куда ее увели?

А вот на «ладони» на эти, в ригу, в неотопливаемую, где все щели и сквозняки. А они отобрали зимой... И так орали на всю деревню... А бабы... Ведь корова в 6 утра уже ждет хозяйку, ее вымя распирает. Бабы с ведрами побежали, со своими, доить, а Коля Кузин не пускает – есть дояр, он всех подоит. Ну, а потом видит, что ничего не получается. Когда доярка... Сколько их надо? Если там 60 коров. А, может, еще и больше... Сколько надо? 60 доярок, чтобы быстро-то... Это потом ведь уже всякие механизмы придумали. А руками – это же долго. Ну, вот... Раздали обратно коров. Дескать, до весны. Коля понял, что ошибку сделали.

А папы уже не было в это время?

Нет, нет.

А сидел он в Устюжне?

В Устюжне.

А в Устюжне он сидел долго под следствием?

Нет, нет. А «тройка»-то... Тогда же не судили, не следствия, ничего... Нет, нет, нет. Вот, значит, нас в мае... Его в Ильин день забрали. Это в августе его забрали. А нас в мае..., может быть, даже в этот же... Нет, нет, не долго. Я помню, что каждую субботу мама ходила, передачи

ему носила. И мама говорит (это я, кажется уже рассказывала вам), что «Головин сознался». Я теперь уж, когда читала, и думаю, а, значит, били... В чем ему сознаться-то? Не в чем. На него же угрожал он оружием. А надо сознаться, что ты его, там, ударил...или толкнул... А потом она слышит, по телефону разговаривают: - Головин сознался. Ведет себя хорошо. И быстренько – срок три года – и уже всё, его и нет. Быстро на Соловки его, в Кемь, вернее... Я не знаю, может, и на Соловках... Но я точно помню, я писала «Кемь». Вот это. Это у него в документах, тоже там написано.

А скажите, пожалуйста, он был только один арестован в деревне? Других арестованных не было мужиков?

А вот я сейчас и не могу сказать... Может быть, и были... Я как-то не знаю... Всё же деревня большая... 60 дворов. Да, где мне..., я девчонкой была, да нас сразу... Я, вот, и не помню... Теперь уже и спросить не у кого.

А можно сказать было, что, вот вы говорите это слово «волнения», что это какое-то сопротивление колхозам было?

Ну, конечно! Потому что такие разговоры: одни не хотят, другие – наоборот... Ну, конечно, конечно! Не сразу все побежали. Нет, нет.

А испортились отношения с соседями?

Ой! Так всё там было! Господи! И врагами становились, и не знаю что... Я же говорю, придут вот... Тот вот сосед с этим соседом разругался... Всё. Трагедия кромешная...

Из-за колхоза?

Конечно! Ты хочешь – ты иди, а чего ты меня-то уговариваешь! Там же начинают еще агитировать, и всё... Нет, это совсем не гладко шло, организация колхозов. Совсем не гладко. И то, что там пишут, это... С красными флагами никто не ходил и не радовался. Это причем какой-то длительный был период-то. Вот мы уезжали, вот этого колхоза еще как такового, чтобы вот так вот... Вот сделали они опыт. Забрали коров. Раздали обратно. А потом уже нам только писали, столько-то там погибло... Наш рысак, ну, я не знаю, через полгода, наверное, мы получили письмо, что Коля Кузин угробил его. Он в конюшню сразу стал ездить: пролёточка, рысачок... Как же так...

На вашем?

Да, да. И сделал в нашем доме вначале Правление. А вот у нас здесь (видимо, показывает на бумаге), как войдешь, это конюшня, а вот тут, недалеко, была яма, в которой всё лето – «ледник». Был с крышей, там, всё... Брали лед зимой, завозили как-то его... и...

Погреб такой специальный?

Да.

Как его называли? Ямой, да?

Мы называли погреб это, ледник. И тут... А это ледник.

Напишите там: ледник.

Ну, а конечно, когда нас-то уже не было, никто не заполнял, крышу сняли, бросили, им осталась простая яма. Вот приехал Коля Кузин, и вот тут привязал около конюшни коня-то... Или как там... прикрепил... Ну, разве будет рысак вот так стоять напряженно, ему надо сразу... А он не знал всех этих правил. С него надо сразу снять всю сбрую. А он, конечно, начал как бы освобождаться, ногой бить. Бил, бил, бил, и до ямы добил. Всё туда тянулся..., оторваться от привязки. И головой туда и свалился. Сломал, конечно, хребет, и погиб. Молодой такой, рысак орловский...

А больше не было рысаков в деревне?

У нас у одних был. Хорошие были, а орловский только у нас был. И вот почему. Мамина двоюродная сестра была замужем за этим землевладельцем, помещиком, у которого был завод, вот этот, конский, орловских рысаков. Его сын, Кирилл, первый, подвырос, тут уже начались всякие брожения, и он сообразил, что надо Кирюхе какую-то... иметь какое-то ремесло в руках. Учиться-то не брали... помещичьих детей. И он его прислал к отцу в ученики. Я помню у нас этот Кирюша... Толковый такой... Он так потом стал делать, лучше отца уже. Вот после войны...

Сапожником стал?

Ага. Он приходил и шил. Нет, он потом... Ну, что вы! Он не стал сапожником, он стал каким-то начальником... Лесную академию..., не академию, техникум... Но был вот этот период... А

потом он для себя просто шил. Мне шил, Марии шил. Ну, вот. Ну, и как бы в благодарность за это, ну, я не знаю, может быть, он зимы две у нас жил, быстро научился, всё... Его отец и подарил моему отцу вот этого жеребенка – рысака. Вот как было! Потому что купить крестьянин... Такие цены... Никто не мог купить. Если купить. А здесь вот он племянник, двоюродный племянник... обучил... Ну, а у того завод был, мог он себе позволить такой подарок. Вот как получилось. У нас был. А у остальных не было. Конечно, лошади были сытые, хорошие, там всё... Но рысака не было. Ну, откуда Коля знал, что такое нельзя...

А Коля не крестьянин как будто бы?

Такой же крестьянин, только лентяй и... посматривал... как бы где чего-нибудь... Кто-нибудь дал, помог... У них такая вот семья была. Коля был и еще его сестра была. Вот двое только из детей было. И всегда у них неурожай, и всегда ничего не хватало. И всё ходили к нам заниматься. Я отлично это помню. Коля... А потом каким начальником стал! Как его все стали бояться! Сразу – Николай Ильич! Боже... Мама так, Колька, да всё... Как это всегда в деревне... Ну, он, конечно, постарше меня был. Ну, неверное, лет на 12, вот так, конечно... Если мне 8, да, ему – 20, правильно... 19, может быть... Через годик – два его в армию взяли. Больше он не вернулся ни в этот колхоз, ни даже в эту деревню.

А он был председателем?

Да. Да.

А после него кто стал председателем?

Понятия не имею.

Тоже местный кто-нибудь?

Наверное. Понятия не имею. Интересоваться нельзя было. И вообще мы в Сибири были. И нос мы туда не показывали. Вот, я же говорю, только где-то перед войной уже я поехала.

А кто писал маме про рысака и про коров, что они передохли?

А писала моя двоюродная сестра. Вот она умерла год тому назад. 93 года ей было. Они жили как раз на берегу, у них дом стоял, вот пруд, вот на этой стороне (видимо, показывает на плане). Это был...

То есть тут тоже жили, да?

Тут только один дом был. Вот он был поближе. Вот так. Вот так шли, вот эта улица поближе, конечно, так было, и вот здесь, только, вот так можно здесь два дома... И они как раз около пруда жили... Это я о чем?

О том, что она вам писала...

Ага. И у них была дочка, тоже Тоня, она меня на 13 лет старше, так как и моя родная сестра. А мы с ней как-то чего-то дружили. Я любила, я к ним всё ходила. А отец у нее тоже, дядя Вася, сапожник, он шьёт, смотрит и говорит: - Онтонида, иди-ка... (Онтонида по-нашему), вон твоя подруга к тебе идет. А та: - Ой! Кто, тятенька? А уже видит, что это я... Всё смеялись, что я подруга, чуть ли не каждый день туда бродила... И ее мать моему отцу родная сестра. Ну, мы же двоюродные, близкие... Ну, вот... И я ей писала письмо. А она мне отвечала все подробности. Так их восемь, этих писем... Она сосчитала, их восемь раз исключали из колхоза! За то, что она переписывалась с кулацкой семьей. А я подсчитала, что нам письма-то можно было писать раз в полгода. Я, значит, восемь раз ей написала, она мне восемь раз ответила. И их восемь раз исключили.

А потом обратно принимали?

Принимали... Ну, конечно, это так надо было... на собрании..., вот, вы, и т.д., и т.д.... А куда они денутся?! А потом им ведь надоело это... Дяде Васе... Он сапожник был, но он еще и как все крестьяне хороший строитель был. Плюнул. Дом заколотили. И уехали. У него уже взрослые были, только три девчонки. Ему было легче. И уехали в Устюжну. И там у кого-то жили. А он уехал не далеко – не близко – в Сочи. Там, оказывается, там строители были ценны, так им хорошо платили... И он там даже несколько лет прожил. Деньги присылал. Они здесь дожидались его. А когда он приехал, он привез уже дом... Уже колхоз во всю там. А был период... можно было все же как-то..., они же не раскулачены были, колхозники... Ну, наверное, погиб. Напоил кого-нибудь, денег сунул... Наверное, это не так. И дом они перевезли в Устюжну. И жили. И я уже потом к ним в Устюжну ездила. Тоня мне всё это описывала, в подробностях.

Устали вы?

Нет. Абсолютно.

У меня еще есть вопросы. Вот, звуки деревенские, какие в памяти остались?

«Но-о!» «Тпру!» «Ванька, не гони лошадь!» «Лешка, ты дал... Воду не давай горячему коню!» Вот какие звуки на улице. Ну, естественно, в доме... В доме в деревне не полагалось шуметь. Если говорят родители – молчи. Легли отдыхать – молчи. Быстренько выгоняли нас на улицу... Строго воспитывали. Вот мне запомнилось, колодец наискосок был у тети Ульяны. Так скрипел! *(смеется)* «Журавль» вот этот, и вот почему-то у них всегда скрипел... Я вот теперь думаю, отчего бы, кто бы хоть подсказал: ну, смажьте вы... Ведь, наверное, беспокоило... Ну, там нервная система была другая, на такие вещи не обращали внимания... Это бы в городе уже начали нервничать. А там к этому спокойно относились. Ну, что? А коровы, когда их выгоняют... в поле. Очень интересно. Такой шум..., тогда такая даже музыка... Коровы мычат, каждая на свой лад. Тут еще и овцы по-своему..

А овец гонят отдельно, да?

Вместе.

Вместе с коровами?

Вместе, конечно. Один пастух. Вот кони всегда отдельно. Кони – это уже... И даже не пастух, а каждый хозяин там... А эти вместе. И вечером, когда возвращаются, когда загоняют, как хозяйка кричит, там, такая-сякая!

А как звали вашу корову?

А у нас интересно звали - Бурлаша.

Бурлаша?

Не знаю, почему. Она была, видимо, как бурлак, такая... Много ела, она такая была широкая... Такой какой-то ярославской очень хорошей породы, много молока давала. Корова Бурлаша была. Собака Султан. Все собаки, какие были у нас, всегда только Султаны. Одно имя. А кони... Вот первый был рысак... Кокуйчик...

Кокуйчик?

Кокуй. Мы его ласково Кокуйчик звали. А второй – Красавчик был. Это уже производное, так сказать... А первого, которого подарили, это Кокуй был. Почему Кокуй, не знаю.

А второй был сыном этого?

Да. Да, да. Ну, как давали... Ну, как щенок... Если он покрывал кого-то, одного уже отдавали. А того продали, первого-то, вот этого, Кокуйчика, продали... Это всё уже на моей памяти. И через неделю мы узнаем, что он сдох. Нет! Можете себе представить?! Такой-то конь! А это уже такой был конь! Мы всей семьей выходили запрягать только... Всей семьей! Мама стояла с решетом, куски хлеба давала... Он же рвется, он же... Земля на крышу летит! Такие же кони, откормленные! И не пахали, ничего на нем. Только что на выезды.

А вы что делали? Почему всей семьей? Держать?

А я... Как мало хлеба, я подносила ей. Резала, и подносила маме. Как побыстрей... Два брата стояли так – раз! ворота открыть по команде одновременно. Толя подавал команды: - Хомут! Чересседельник! Там, чего подбегали... А двое – отец и Ваня (Коля-то учился) запрягали. Стояли около лошади. Раз! Сядут. Всё. Отец даёт команду, и вылетает. Вот, до сих пор, когда уже теперь..., и всё и вспоминаю. Вот, особенно Валюша, подруга: «Как выезжал-то твой отец, и как... Мы все в окна и смотрели, все и ждут, как он пролетит... Такой рысак! Как вылетит!» И по дороге. И туда к Устюжне летит! Так что, вот, эти ржания, все эти голоса..., звуки... Ну, а уж в праздники, конечно! гармошки. Гармошки, балалайки были у многих, у ребят... Песни, частушки. Еще очень у нас много в деревне, вот когда взрослые были праздники, вот сидят за столом, выпьют немножко, рюмочку, две, и начинают петь, и сидят и долго пьют, а мужчины еще там попивают, и женщины, кто хочется... Вот как-то так, чтобы тосты у нас говорили, этого не было. Ну, там, чего-то с праздничком, здоровья, там, такое скажут. Но как песен много пели! Я же многие знаю русские песни, запомнила с детства слова. Где их прочитаешь? Там, про ямщиков..., да, вот... И много очень хорошо пели. Моя мама очень хорошо пела. У меня-то ни слуха, ни голоса нет, но я очень люблю петь. Я все равно пою. А мама моя, и сестра, вот, ее, певуней так звали, потому что и на клиросе тетя моя пела... У нее был слух. Это было так интересно! Так хорошо слушать! Потому что зимой нам разрешали, мы на печку заберемся, сидим, потом потихоньку - нишкни – и слушаем, какие песни поют...

Вот, какую фразу вы сказали? Ни...?

Нишкни.

Нишкни, да?

Да. А вот мы... Я уже поздно спохватилась, у мамы много таких было интересных слов, а уже моя племянница была большая, никак в восьмом классе, я приезжала... Она какое-нибудь скажет слово, мы так долго смеемся, иногда и поймем значение, так, по ассоциации, иногда – не поймем. Она нам объяснит. А я и Гале сказала: - Галя, начни ты, пожалуйста, записывать. И Галя начала, но уже было поздно... Чего-то она быстро умерла. Как-то я приехала, увидела даже этот журнал... «Ухайдакалась». Это знаете слово?

Да, «замучилась, устала».

Да, да. Ухайдакалась... Еще какое-то было... Сейчас не помню...это слово. Вот, про звуки рассказала.

А женщина громко переговаривались друг с другом, соседки?

Где, за столом?

Нет, на улице, когда выходили. Или не было такого, чтобы кто-то кричал через улицу кому-то?

Нет. Дети кричали. Вот, я, например, своей подружке, мы жили наискосок, даже почти... у нас дома как бы в шахматном порядке. Так я открою калитку, и кричу: - Нью-ю-ю! Иди в гости!

Ню?

Ню. Ню, просто Ню. Первые две буквы. Она Нюша. Меня звали То. – То-о-о! Иди в гости, - она кричит. Ну, это так, ребячья манера. Так мне мама как-то и замечание сделала. Я так удивилась. Думаю, а чего это...? Она говорит: - А чего ж ты так? Не надо. Подойди да и позови. Такая была этика еще своя.

А зимой? Скрип, там, чего...?

О-о-о! Ну, зимой-то, конечно...! Скрип саней... Это уж очень даже... А потом мы катались же с горки. А лыж не было.

А гора где была? Где был овраг или что?

Да вот эта-та линия (*показывает на плане*) и шла между наших домов, это и было как-то под горку, где наш дом... Вот. Вот эта линия, начиная, вот... Вот здесь камень-то лежит, вот... Всё это здесь я плохо написала, непонятно...

Вот камень.

А вот это дом. А вот это, вот это гора-то... от камня... Вот она как-то была...

Вниз туда?

Вниз. Ага. А ведь снег... Потом...

То есть этот камень был где-то на возвышенности, да?

Да. А здесь как-то пониже..., пониже шло... Вот здесь мы с горки катались. А чего, сидели там, конечно, с лампами... Не очень бурлила жизнь. Вот в Масленицу – это да! Вот какой был интересный обычай в масленицу...! Какой же это был один день? Причем... Это я сейчас забыла, какой день... Один день... Масленица, ведь целую неделю... А-а! При закрытии. Последнее воскресенье Масленицы. Было правило: ребяташки могут придти в любой дом, и хозяин обязан запрячь лошадь, и катайтесь, ребята! Если можете сами справиться – катайтесь! И так мы целый день – из дома в дом ходили, и нам запрягали... Это такой праздник! Это такое веселье было! Представляете?! Вот три-то у нас улицы: мы туда – сюда... Еще встретишься – не разъехаться...

А узкие улицы всё-таки?

Нет. Довольно широкие. Широкие, конечно. Дорога-то есть дорога... А там уже и сугроб. Ну, вот... Разъезжаются... Вот это очень интересный такой обычай. И это как закон! И... Ну, только всё, конечно, скажут: - Ребята, смотрите... Ну, крестьянские дети, конечно, знали, как с лошадью обращаться. Мальчишка садился, мы так напихаемся, сколько войдет. Розвальни давали. Такие вот розвальни – низкие, широкие... И мы туда навалимся – десять человек... А мальчишка сидит на облучке..., значит, правит лошадью. Покатаемся, потом в другой... Здесь 60 домов.... Во! Нам хватало... выше головы!

А дети были в каждом доме, да?

Да. В среднем, по четыре человека в доме. У меня вот это подсчитано. По шесть у многих, по восемь. Три, два было. Две, по-моему, семьи – не было детей. Да. Две. Вот, у тетя Тани, и еще

там у дяди... Кирилла – не было... У остальных были. Ну, и в среднем, по четыре человека на дом получалось. Шестью четыре... Ну, да, двести сорок..., двести пятьдесят с чем-то... детей только было.

А на Святки, какие-то были вот такие шумные...?

Ой! Ой! Ой! Еще бы! На Святки! Как наряжались! Шубы переворачивали! Сажай себя мазали! Черте знает, что на голову оденут! И тоже из дома в дом ходили. И это всё...

Ряженные?

Ряженные, ряженные.

Это тоже дети? Или уже повзрослее?

И парни, и девки. Взрослых-то я не видела, родителей. А вот уже парни, девки... Ну, и ребята тоже... Хотите – бегайте. Да-а... Святки – это очень хорошо праздновалось! А вот ёлка как-то не у всех была. Я помню, вот, в нашем дома была ёлка. И очень много ребят приходило. Ну, сколько поместиться... идут. Это Маня уже. Она училась в школе... В этой школе, в Устюжне... Вот, она оттуда... А у нас как-то... в домах было не заведено... Я не знаю... Я ни у кого на ёлке не была. А только у нас это было. Она приехала... Игрушек... И сами мы там цепи лепили, и каких-то привезла... Ну, и всем по игрушечке... Когда уходили, каждый подходил и брал игрушку, какую хотел. Покажет: - Мне вот эту. Снимали ему и давали. Правило, наверное, было такое, не знаю. Теперь какие-то пакеты дают, а раньше игрушечку... с ёлки. И у ребят, конечно, было радости много тоже...

А никаких советских праздников не отмечали?

Нет, так в 1930 году мы уже уехали. Не знаю, может быть, там отмечали. Не знаю. Наверное, отмечали... Ведь выходные были... Так чего...

А в Пестове вы...?

А в Пестове... Как же... Ну-у, в Пестове... На демонстрации в первых рядах! Доклад на тему! «Великая Октябрьская социалистическая...» Выступаю! Делаю доклад! Ой! Что вы! Всё было! Всё там уже мы... Потом концерты готовили..., выступали. Это... святое дело... все праздники отмечать. У нас там трибуна была, и там же стояли председатель исполкома, и там... кто-то, и мы также ходили, как в Москве... одинаково. Идем... Только в Москве мимо трибуны, а мы кругом трибуны обходили.

Скажите, пожалуйста, а вот комсомольцев сколько было в деревне?

А вот не знаю, сколько в деревне. А в Пестове знаю, сколько. То есть количество не знаю, но я там поступала, в Пестове. Большая деревня... Вероятно, было, конечно... Думаю, что была организация...

Кроме Коли Кузина еще кто-то был, да?

Да. Да, да, да. Около Коли тут были..., были какие-то... там тоже парни. А потом-то, конечно, когда в школе принимали... Наверное... Не знаю. Про комсомол в Обухове не знаю.

Но они были все младше отца, да? Вот, все эти активисты?

Конечно! Да это мальчишки! Ну, Господи! Ну, чего, вот, ему, 18 – 19 лет Коле было! А у отца уже шесть человек детей. Конечно, все – молодежь!

А отец был авторитетом в деревне, да?

Да. Судя по тому, что наш дом так стоял, то ли как-то вот было так, что около ворот... Ну, там забор идет... Около забора – скамеечка. Так вот, как какие-то там дела, всегда здесь собирались. А я вот где-то рисовала... Вот. Вот это ворота, а это – конюшня. А вот здесь скамейка была. Такая длинная скамейка. А здесь вот так крыша от конюшни... Так мы с Толей забирались на конюшню... Сядем – и всё слышим..., чего тут говорят... А у них-то забор-то высокий... Они нас... Ну, и не оглядываются... Чего там... Мы потихонечку... И вот я помню, какие случаи разбирались: кто-то чего-то пожаловался там..., ну, пропало... не то пиво там какое-то, бочонок..., или еще чего-то... Чего-то из такого, вот, связано... Вот приходят к отцу. Вот, Николай... Моего отца никто не звал, там, дядя Коля, дядя Николай. Все по имени отчеству почему-то. А другие, там – дядька Федька! Или там – дядя Петр! Или там... Я это хоть и маленькая, но я помню, я это заметила: чего это они всегда так... Теперь я уже понимаю. Вот. Выходит отец. Приходят еще... Были о-очень авторитетные..., солидные мужики, трезвенники такие, разумные. И вызывают..., на кого подозрение..., кто там был вместе... Вот, я помню, как интересно их допрашивали. Никакими милициями... Всё сами разбирались. По одному

вызывают. Вот, расскажи, где ты был, что ты был. А входил туда? А как в подполье? Я видел, что как будто там, тот-то, то-то... Спрашивает, спрашивает... Докопается до истины!

А кто это докапывается? Это отец спрашивал?

Вот мужики собрались, пять-шесть человек. Ну, кто пострадавший, наверное, кто-то там сосед...или еще...

А отец ваш, чтобы рассудил их, да?

Да нет! Просто так вместе сидели... Как будто все вместе спрашивали... Но почему-то всегда около нашего дома. Приходят, вот... Его просили, чтобы... - Вот, надо бы разобраться. Помню был пожар. Где-то недалеко. Не помню названия деревни... И пало подозрение на какую-то бабу, которая под видом нищенки проходила, собирала куски. И она у нас прошла, потом сюда, и после нее, вот, значит, там загорелось... Вот этот почему-то даже случай... Те мужики сюда пришли..., разбирали эту женщину...

А она была из вашей деревни?

Нет, нет. Она какая-то... из других деревень... была. Так что как-то разбирались... с ребятами..., не сдавали... Знали, что не пропустят..., не спустят... ничего. Или кто-то... залезли, там, яблоки... Или в огурцы... Это как спорт... Никому не надо... Дома тоже есть... А вот для интереса... Давайте туда заберемся. Ну, и сразу разбиралось это, сразу. Вообще был порядок такой: каждый взрослый мог сделать замечание любому ребенку и отодрать за уши как следует! И мать на следующий день скажет: - Спасибо, Дарья! Поучила моего дурака! Никогда не заступались! Вот это было правило. Поэтому боялись. Что родителей, что какой-нибудь дядя...

Скажите, пожалуйста, отец был кем? Каким-то подобием мирового судьи?

Нет, просто так, такой крепкий мужик, авторитетный, хозяин хороший. Всегда же уважали. Пользовался таким уважением. И я еще что помню? Вот отец сидит, шьет вечером. Приходит там какой-то мужик, поздоровался: - Проходи, проходи. - Я, Николай Александрович, вот хочу с тобой посоветоваться. Вот ходили, ходили к нему и в Пестово советоваться. Отец сидит, шьет, слушает, потом долго молчит, о другом говорит. А я думаю: чего отец-то не отвечает? Он же ему задал вопрос, а отец как будто... Говорит, говорит, потом в сторону отложит сапог и говорит: - Ну, я тебе вот что, Степан, скажу. Я думаю, тебе надо вот так-то поступить. Вот такой отец... Через большую паузу. И покурит, и про другое, а потом скажет: что вот я тебе что скажу.

А вот это было связано с его личными качествами или с тем, что он был все-таки состоятельным таким человеком, хорошим хозяином?

Конечно, с личными. Были богачи там не такие. Вон у нас Василий Ефимович был, такой балаболка, а хорошо торговал. Обеспеченный очень. Потом две только дочери у него были. Ну что вы? Не-не-не

То есть были люди богаче у вас в деревне?

Да, да, да... Были люди, у которых потолок был, как в Елисеевском дворце, обшит деревом таким, все красиво, красиво и кончалось вот таким шаром. Да, были... Наш дом такой, средненький был. Очень были хорошие дома. Вот Коля Кузин потом этот дом занял, переехал. Тот, который был с деревянными наличниками?

Да, да. Весь потолок... Вы не видели, как в этом... по-моему, еще Константиновский дворец на набережной [ошибка - Меньшиковский]. Просто весь обит такими квадратами. Ну и мебель была дорогая.

Значит, жильцов этого дома тоже куда-то выселили?

Ну, конечно. Это кулаки. Выселили. Нас вот только 5 мая четыре семьи сразу выселили. 5 мая?

Я не помню, в начале мая где-то. В 30-м году [ошибка – в 1931], в мае, где-то до 10-го. У меня справка там есть. А потом еще сами уезжали, все бросали. Были, были богаче дома. Отец такой у нас, конечно, был очень серьезный человек, не трепло, ну и, видимо, не дурак. Умел разбираться.

А какие качества ценились человеческие вашими родителями в людях?

Трудолюбие, трезвость, степенство. Чтоб много языком не болтали, это не ценилось. Вот я говорю, что этот Василий Ефимович, так и звали его: «ну, этот трепло», «это балаболка». Не

любили таких трепачей. А уж трудиться и чтоб хорошо было сделано, это уж на первом месте. И вообще у меня тут дырка продолблена [*показывает на лоб*]: встречают по одежке, провожают по уму. Никакими там нарядами, ни богатой одеждой... Это ничего не ценилось. Нет-нет-нет. Этим не определялся, так сказать, авторитет человека и удельный вес. Нет. По деловым качествам. А паче всего, конечно, чтобы трудился честно и хорошо. Выложиться надо всему. Как мама говорила: через «не могу», а чтобы все сделать.

А вот что-то из политики обсуждалось, как вы думаете? Власть...

Это такой запрет! При мне, конечно, нет.

Ну, до того, как началась все эти преследования с коллективизацией.

Я, видимо, маленькая была... И нет...

Про большевиков ничего не говорили? Про власти?

Ну я только знаю, что у нас висел портрет Ворошилова почему-то. Вот почему? Потому что отец, конечно, был в армии, и он же вернулся где-нибудь там, в 1919, может быть, в каком... Но висел портрет. Не знаю...

В деревне?

В деревне, в Обухово висел. И я оттуда знаю его, Ворошилова. И висела такая литография, такая на бумаге, кнопочками пришпилен, конечно, без всякого... Вот Ворошилов. Может быть, даже кто-то из старших братьев купил в Устюжне, привез. Это может быть, и не отец, я не знаю. Но, конечно, уж если повесили, сорвать нельзя было. Но я только знаю одно, что у отца отношение к этим, большевикам-то, отрицательное было. Я говорила, он и называл-то «черти вшивые», а то «рвань дьявольная» скажет. Потому что видно было, что это не хозяева. И уж если Колю Кузина – в председатели колхоза... Господи, когда сами себя не могли прокормить, вот теперь он будет за всю деревню отвечать! 60 домов там...

Но не всех же взяли в колхоз. Значит, меньше?

Меньше, но все равно.

А те, кого не взяли, как они продолжали жить? Вот они лишились каких-то льгот?

А, по-моему, все были. Не оставляли никого. Прижимали до последнего. Или вот – уезжай... Может быть, многие вот так уехали. Не оставляли, не оставляли никого. Ни-ни-ни... нельзя было. Единоличником нельзя. Может быть, один год какой-нибудь там, а потом абсолютно стопроцентно. Нельзя. Я помню, уже в 1934 году это было дело, мы вернулись из Сибири, значит был уже 1935, может быть, год. Мой старший брат пошел в деревню на праздник, присмотрел девицу и, значит, жениться задумал. Так вот отец этой девицы, Насти, жил на хуторе и был единоличник. И я помню, как мама и отец удивлялись: да как же это так? Да не может быть! А Ваня говорит: - Правда, они на хуторе и живут. – Ой, ой, ой! И потому уже, когда начали свататься, сватовья-то встретились, обсуждали, так они не обсуждали там, где будут жить молодые, а я как сейчас помню, отец все говорил: - Роман, да как же ты уцелел? («уцелел» главное, понимаешь?) Как ты уцелел? А он говорит: - Да просто. Вот, говорю, не пойду и все. На хуторе дом, земля. Ну вот. Не пойду, да и все. И ровно только - это дело зимой было, до весны дожили, и Романа этого скрутили и пошел он в колхоз. Вот это уже в 1935. Это великое дело! Это нам было просто всем удивительно, как мог удержаться. Ну, далековато жил от колхоза, на хуторе. Там их было три брата. Пока так. И все. Это диво было! Единоличников не было в колхозе. Это несовместимая вещь. Единоличники хорошо жили. Господи, эти получали по 12 граммов на трудодень, а он бы себя обеспечил.

12 граммов получали?

Получали. Тетя Маша, это мамина сестра, как-то пришла и говорит: «Дунюшка... Неурожай! – В этом году у нас 12 граммов на трудодень». Вот я это помню. Что-то уже выше всякого маразма, то есть ниже всякого маразма.

Это уже когда вы вернулись из Сибири?

Да, это уже 1937, 1938 год, эти уже. Она каждый год приходила к нам, в Пестово. Ну как к сестре погостить собралась.

А вы были уже городские жители?

Да уж, мы в Пестово... Когда эвакуированные к нам приехали из Ленинграда, так они в насмешку звали Пестово «Пестоград» /смеется/

А скажите, пожалуйста, что же все-таки этот Коля натворил? Вот, хорошо, коня он погубил, это вы рассказали, коров всех забрал.

Тогда потом коров раздал хоть.

Хватило все-таки ума быстро раздать? Коровы не померли, да?

Нет, нет, нет. Да, конечно. Он сразу утром увидел... Вы представляете? Это вы не представляете, что такое корова, которая не подоена и как она кричит. Это вы не знаете. Ей же больно, ее всю распирает. Она не мычит, она как из трубы какой-то надрывной звук... А их там 60 собрали.

Он и вашу корову вернул, да?

Нет. А мы были уже в кулаки записаны, у нас все было записано. Мы уже...

То есть у вас уже коровы не было?

Нет. Увезли, вот когда у всех брали, и нашу взяли. Так всем раздали, а кулакам не вернули.

Кому-то, куда-то, не знаю...

То есть ваша корова не вернулась?

Не-не-не. И я помню, как я к тете Ульяне бегала с крыночкой. Без молока мы не знали, как жить. Я бегала вечером, она как подоит. А мама всегда заплачет. Я несу, а мама заплачет. И мне так было как-то и маму жалко, и саму я неловко себя чувствовала, что это – беру чье-то молоко. Уже привычка, что мама подоит, ведро – пожалуйста. Нет, нам уже ничего не вернули. И лошадь уже не наша была, и конь, и корова. Отобрали. У кулаков-то пораньше отобрали. А вот это потом уже он решил... Надо было с чего-то, видимо, начинать. Он решил собрать всех коров в одно место. А я читала потом в литературе, это не один Коля такой дурак был. Где-то я читала, что у них примерзли вымя, и было не оторвать, и с кровью... Я не помню, где-то я читала. Или в художественной литературе. И такие были. Конечно.

А как с землей тогда обошлись, когда колхоз стал?

Все, все вместе, все заподряд пошли, как Коля Кузин скажет. Коля Кузин недолго был, потому что он в армию ушел. А в армию-то брали с 20 уже лет. Так что-то он, наверное, годика два только побыл, самое начало по начальству. Пока до колхозов тут, наверное, как я помню, еще все важным таким ходил, с год, наверное.

А как он был одет? Он выделялся по одежде?

Да ничего, обыкновенный парень. Но он такой был высокий, ничего не скажешь, такой он немножко пузатенький был. Не очень спортивный, прямо скажем. Он ничего, нормальный парень. Жену красавицу взял – Варя из соседней деревни. Я на свадьбе была у него.

Да?

Ага. Ну как было? Ой, ребята... Зашли там, в углу постояли, и они плясали там, частушки пели. Я помню его свадьбу хорошо.

А папа уже был арестован, когда у него свадьба была?

Да, да-да, уже отца не было.

А как он справлял свадьбу – на всю деревню?

Нет. Но народу много, заходили, как всегда на свадьбе, заходят, уходят, дверь почти не закрывается. Нет. Но только он не в своем доме. У них-то маленький домишко был. А вот я так сейчас не помню, но большое было помещение, комната большая вообще-то. И я уже знала, что он уже живет в чьем-то чужом доме. У них совсем махонькая была. Так два окна, покосившаяся. Она бы вообще завалилась, эта избушка. Как я последний раз была в деревне, мы идем с Верой, я пошла ее провожать, она и говорит: - Тоня, а ведь вот здесь-то Коли Кузина дом-то стоял. – Я, говорю, Вера помню. Помню. И описала. – Правильно, правильно. Они были соседями. Вот здесь-то и стоял Коли-то.

А о Коле кто-нибудь хорошо в деревне отзывается?

А те, кто остались, никто хорошо не отзывается. А других я не знаю. А вот последний раз... Это я еще удивилась, думаю, ведь я сколько уже лет езжу, как-то не заводился разговор. Я-то специально, конечно, не заводила, понятно, потому что всякое может быть, кто как там отреагирует. А этот раз чего-то заговорили про Колю, не помню, по какому поводу. Боже мой! Так их всего-то там осталось три женщины, с каким они... ну недружелюбием, прямо с ненавистью стали... «Так этот Коля, это такой гад, да это такой человек был жестокий!» И начали рассказывать, что у него двоюродный брат еще был, в другой деревне. Ну они так: - Сеньку-то, там, Ваньку, своего-то брата... Пришел он на беседу к нам, в Обухово, они чего-то поспорили с ним (праздник какой-то был), так он, говорят, как начал бить его при всех, так все бабы-то бросились, заплакали: «Коля! Да ты его убьешь!», а он кричит: «Убью. Отойдите все!».

«Такой злой, такой, гад, был злой, что ладно, что мало здесь побыл». Я вот это даже удивилась. Надо же! Я так на свадьбе, помню, он к своей жене с такой любовью, все обнимал... Не целовал, это не полагалось, но так подойдет, обнимет, поправит шаль на ней, всё. Я это все замечала. Мне казалось, что он такой... И жена красивая была у него, такая!

А вам было просто интересно или?

На свадьбу-то? Господи! Ну а как же! В деревне на каждую свадьбу, уж если только где можно пролезть, какая щелочка, или в окна, на завалинку встанешь, держимся и смотрим. Надо же посмотреть!

Ну а Коля же Кузин был все-таки причастен к тому, что отца арестовали.

А как-то я этого не понимала. То есть я понимала, но у меня не было такого, что я на тебя и смотреть там не пойду. Не знаю. Все бегут ребята, и я тоже с ними. Как-то мне в голову не пришло, что Коля такой гад. Да еще я потом это все узнала. Ведь я еще и не понимала там, в деревне, мама... Потом, когда мы в Сибири были, она мне рассказала, и то она неправду рассказала, тоже сочинила.

А что она сказала?

А мама сказала, что просто отец толкнул его и хотел закрыть дверь: - Коля, не ходи, не ходи. А, оказывается, вон как: Коля ходил, наганом крутил: - Вот убью тебя, и мне ничего не будет. Я твоего брата убил двоюродного, Ивана Михайловича. (Правильно, это я тоже помню, все переживали) И тебя убью, мне ничего не будет. – Вот так он отцу сказал, Коля. И отец получил три года. А он ходил, угрожал всем. Так это я теперь все узнала, а тогда мама как-то... Это я, видимо, не связала, что из-за Коли. Что это так, какая-то вся обстановка.

Но подождите, когда он потом возник в Пестове, вы же знали, что Коля виноват?

Да, так я с ним не поздоровалась, прошла...

Тогда вы уже знали.

Так мама в Сибири-то уже нам рассказала. Так и то, оказывается, я вот истинную правду узнала только по материалам суда. А мама вот такую легенду составила, что вот толкнул, да и всё. Так не очень это выглядело. Все же толкнул. А комсомольца нельзя толкнуть. Вот и всё.

А что, в деревне уже так пошло, что если комсомолец, значит надо уважать?

А как же! А власть! А если Коля с оружием ходил. Так что вы хотите – его не будут «уважать»? Сразу все и зауважали. Если он кого шпокнул и ему ничего, и ходит дальше. Ну так чего же? И все же они были при оружии. Читаешь-то там.

Там, в этих материалах дела, написано, что какой-то человек по имени Михаил Федоров, бедняк Михаил Федоров убил, там, такого-то... Судя по тексту, это ваш отец... протокол его допроса. «Я стал разговаривать с Кузьминым Н.И...» Он все-таки Кузьмин, да?

Кузьмин, Кузьмин. Это по-деревенски называли «Кузин».

«...насчет кулака Головина, убитого бедняком Борисом Федоровым»

А, это я перепутала... видал?

Кузьмин стал говорить, что Борис убил Головина.

Убил, и я тебя убью.

Ивана?

Да.

«И.Н.: А я убью тебя, застрелю. Я тогда толкнул один раз в грудь. Затем меня схватили...»

На маму тоже был налог. Одна один раз заплатила, а через некоторое время – второй раз. А у нее уже нечего было. Тогда пришли, все описали и нас...

А как это было? Облагалось имущество кулака или вся его собственность налогом, если его не брали в колхоз.

Да, какой... Я не знаю, вот что это там такой был за налог, индивидуальный, видишь, в индивидуальном еще порядке, не на всех, а на него, что ты богатый, вот на тебя. А тут приходили и все описывали: кровать такая-то, шуба такая-то, шапка, платок. Все, все, все описывали. Столько-то там... чугунок, кастрюли. «У меня было твердое задание по заготовкам – 58 пудов, которые я потом сдал и получил деньги. Я виновником себя, ... признаю» [*читает выписки из дела*]. Вот как.

Когда прошла коллективизация. А это было не написано...

Это 1930 год.

Уже августа...

А Семен Семенович, это?

Это двоюродный брат моего отца. Тоже Головин, все Головины. «А когда приедут, собираются и пьянствуют...» /*читает дальше, смеется*/ Вот уж... И не дожидетесь! «Коллективизацию в деревне они сорвали путем обработки населения». Вот видите! А вы говорите, как можно разговаривать было. Только рядом постой и ничего не скажи – скажут: тебя агитировали и всё. Да-да. «Вот убили Ивана Михайлович, и нам ничего не будет. Как снег с ноги все стряхнем». «Был осужден условно, как кожевенный спекулянт. За хранение оружия – штраф 100 рублей». Я не знаю этого.

А большое дело, толстое?

Нет, нет, почти все переписали.

То есть небольшое. Сколько там протоколов допросов? Не помните, сколько допросов?

Да один, по одному. Вот этот и всё. Вот внучка моя Люба, ух, как она отреагировала, не так, как мы. Она: - «Бабушка! Как же это так? Подумай, какой нахал. А почему дедушке-то срок дали? Ему бы надо. Ходил с оружием, всем под нос совал, говорил «Убью!», угрожал». Ей это было не понять. Она так возмутилась. Но она вообще такая, наполовину эстонка...

А можно сказать, что в деревне все-таки был раскол?

Конечно. А как же? Кулаки – это одно, середняки – другое, бедняки – третье. Бедняки очень сразу... А середняки... Вот середняк Пужинин Василий Васильевич. Вот он нам потихоньку даже и помогал.

А бедняки были негативно настроены к вам?

Конечно.

А вы это чувствовали?

Ну... Это как на собрании, мама говорила, они речисто выступают, а в быту-то как же? – «Здравствуйте». Не было таких стычек, скандалов, как там, не знаю, в «Поднятой целине» описывают. У нас – нет. Народ северный более такой сдержанный. Ну а там мужики, конечно, покричали. А уж мама никогда себе не позволит сказать: «Что ж ты там со мной, Пелагея, здороваешься, а твой мужик орал на собрании?» Боже, избавь! Как будто этого не было. Никогда не будет разбирать. Так что таких сцен бытового порядка не было. А вот что собрание – это я слышала, кто там орал, кто кричал, кто на кого обзывался и так далее. Это все было.

А можно сказать, что была борьба какая-то? Вот за что они орали? На кого орали? То есть те люди, против кого они выступали, они как-то сопротивлялись?

Я думаю, они просто как бы поддерживали. Раз Коля говорит, так надо поддерживать. А Коля что говорил? Что вот мы все отберем, все будет наше. Вот! Вот так! В чисто таком корыстном плане.

А народ не осуждал его в деревне, вот когда он перебрался в другой дом жить?

А кто их знает? Вот теперь-то я вижу, как его все ненавидели. Тогда-то я не знала. А вот как, оказывается. А как же... Это, так сказать, наверное, посчитали, что так и должно быть. А что ж дома пустуют? Он их выгнал, теперь ты хозяин. Как у нас перед начальством. Самый лучший взял дом.

А какая информация была? Вот ваш отец говорит, что не знал, что должны быть колхозы. Он уехал на заработки. А информация о колхозах какая была? Вот как пропагандировали эти колхозы? Не помните?

Я точно не знаю. Я только знаю, что часто все собрания были. И там какие-то вот такие все обсуждения. Списки составлялись, объявляли им, кто против кого выступал вот так? А чтобы в быту какие-то разборки – не было.

А где они собирались, эти собрания?

А вот понятия не имею и не знаю где. Думаю, что в школе. Потому что все же народу много. Так если бы у кого-то в доме, так я бы знала, что вот, туда-то. А школа же большая, классы... Я думаю, что в школе были.

А церковь тогда, в то время еще работала?

Работала. Я ходила в церковь-то в эту.

А потом?

А когда мы уже уехали, тоже написала нам Тоня, как церковь ломали, крест снесли. Некоторые плакали.

И сейчас ее не существует?

Ой, ну конечно! Даже камушка там ни одного не осталось. Нет, какие-то есть крупные камни, видно... Ну какое! Все разнесли. Деревянная была.

А никого из Устюжны или из... каких-то других, посторонних людей, чужих, в деревне вы не помните, как пропагандистов? Чтобы приезжали и агитировали за колхоз.

Нет. Только все Коля Кузин у нас. Поскольку он был инструктор райкома, так, видимо, считали, что не надо еще никого. У нас как-то фигурировал только Кузин.

А сколько членов комсомола было, вы не знаете?

Нет. Ну, комсомол, я думаю, еще значительно позже образовался.

А пока Коля Кузин был только один комсомолец? Или вокруг него была еще какая-то группа?

Да какие-то были парни. Были-были какие-то парни. Но вот уж сколько их там, как они числились, были они оформлены как комсомольцы, это я не знаю. Я вот если б знала эти вопросы, я бы хоть у женщин там спросила, вот у той же Веры.

А они старше вас?

Они помоложе меня, но не так. Они, может быть, помнили, или, по крайней мере, разговоры потом-то уже. Всю жизнь жили, так ведь рассказывали, как, что было. А это уж что я не знаю, то не знаю, не буду сочинять.

А ваши старшие братья как-то говорили про Колю Кузина? Не имели отношения к его компании?

Да нет, вот Николай у меня учился уже где-то в шестом, седьмом классе, но когда он приходил, какая-то неприязнь. В школе у него какие-то были вот такие стычки в беседах, но до рукоприкладства не дошло, но какие-то были реплики. И, я помню, отец сказал: «Колька, ты это брось». Это я помню, он сказал, что нельзя с ним связываться. И ему чего? Он парень.

А Иван?

А Иван постарше. Иван у нас очень смирный был, тихонький, «как девка», как мама, бывало, скажет. И он жил уже, чтобы его не замели вместе с нами, бабушка наша жила напротив, он туда, к ней перешел. Уже жил там, как будто считался, что с нами он дела не имеет. Нас выслали, а его нет. «А Иван у бабки Варвары живет». Так и остался. Поэтому и в ссылку не попал.

А бабка Варвара – это была мамина мама или папина?

Нет, это была вторая жена отца моего отца. Молодая девка вышла за него. Ему, там было уже 60 где-нибудь, а ей 25 было. Вот она вышла замуж за моего деда по отцу. Ну, вот она очень хорошая женщина была, и все ее любили, и она у нас была «бабушка». Жила напротив.

Но к кулакам ее не отнесли?

Нет. Все знали, что она своей живет жизнью, очень скромно. Работающая была такая. Рано овдовела. Жила себе и сама себя кормила. Но она в колхоз не вступила. Она быстренько уехала в Устюжну к сестре. Сестра у нее была в Устюжне. И она дом закрыла и уехала к сестре, и Ваня с ней вместе. Вот так. В колхозе она не работала.

И Ваня тоже не работал в колхозе?

Нет.

И так и был в Устюжне, а потом приехал в Пестово?

Да. Так тут всего-то ведь три года. Отец вернулся.

А Ваня какого года рождения?

Если Маня 1911, то он 1909. Все через два года.

И Маня тоже уже жила не с вами?

Маня убежала тоже. Маня убежала в Пестово. Она училась в Устюжне. Началась заварушка – она в Пестово убежала. Кто-то там, какие-то дальние тоже знакомые или кто... Работала, она 7 классов кончила. И она работала то секретарем милиции, то секретарем еще где-то, все... Она такая была очень хорошенькая, что сразу мужики начинали естественно... А она в слезы и увольняется. А потом один, видно очень был настырный, узнал, что она кулацкая дочь, так ее прижал, что все равно тебе жизни не будет, соглашайся.

Пришлось согласиться?

Нет, уехала на Кавказ. Не-не... Что вы, в то время! Это сейчас так свободно, а в то время это же... Топились люди, если верить Островскому. Не-не... Уехала на Северный Кавказ. Первое она вот что сделала – вышла замуж за одного рабочего. Лавров что ли фамилия. А он пьяница горький. Пил и бил ее. Таковую нашу Манечку, разнеженную, всю раскрасавицу... Такие глазищи

у ней, такая она вся была субтильная... не такого сложения она. Ни на какие беседки не ходила, она очень отличалась от деревенских. А тут, значит, он еще и бить. И сестра ее мужа ее пожалела и говорит: «Манька, тебе не будет жизни. Вон тут какая-то там собирается на Кавказ, уезжай и ты». На работу никуда уже ей не устроиться, ну вот, и семейной жизни нет. И она и уехала. И она уже вернулась, наверное, в 1935 или 1936 году, если не позже. Да, уже в 1937 мы в новом доме жили. Так что вот они разбежались – Ваня, Коля и Маня, а Леша, Толя и я, мы с мамой остались и загремели.

Из дела следует, что не Коля Кузин убил, а кто-то другой?

А вот я и не понимаю тут. Не знаю, может быть, и другой, что-то я забыла. Что-то мне показалось, что Коля Кузин так сказал.

А вы знали хорошо того человека, вот своего дядю?

Дядю? – Да, да, да. У него тетя Надя жена была – такая полная. Они не крестьяне, они уже мещане были. И они приезжали когда к нам в гости, она меня все время называла «деточка». Мне так было интересно и так приятно. Она мне: - Деточка моя! Конфет привозила. А дядя такой, темноволосый был. Отец-то мой невысокий. А он такой высокий был, такой веселый, разговорчивый. Помню, помню, как же!

А его убили где-то...

На кухне, в своей... ну где он жил, я не знаю. Сидел на кухне, и белая занавеска была, и силуэт, выстрелили в окно. Вот. А мама потом рассказывала, что тетя Надя-то плакала и говорила: - Он мне говорил – Надя, сделай темную занавеску. (Уже время-то было такое.) Сделай темную занавеску. А то сидишь тут, весь виден, на всю деревню.

А он был богатым человеком? Он выделялся в этой деревне?

Наверное. Так, я как помню, как одета тетя Надя была уже так, почти по-городскому. Украшения на руках. Я думаю, не имел ли какую, может быть, лавчонку? Может быть, они торговали, потому что не похоже было, что они физического труда.

А дети у нее были?

Не знаю. Я у них в гостях не была.

То есть они недалеко где-то жили?

Где-то недалеко, приезжали вот так в субботу. Едут и заедут к нам на пару часиков. Там часто деревни были. Что там? Два, три, пять километров друг от друга.

Но не в Устюжне они жили?

Нет. А вообще не знаю. Думаю, что нет. А может и в Устюжне. Ой, не знаю, не хочу врать.

И вот это вот убийство, оно произошло тоже где-то близко.

Близко, близко. Это все очень такие события были. Как-то уже все нагромождалось. Ой, только мама приехала, конечно, слезы... Это ж такое дело. Вечером – бах, и убили человека. Ни за что, ни про что, вдруг. Теперь уже люди привыкли, а тогда это же потрясение было. Слезы, плакали. А, правильно, отец одну зиму чего-то приехал потихоньку и сразу опять уехал. Зимой долго его не было. Значит, он все же какое-то время там и поработал, с этими, с дядей Петром и дядей Кириллом.

Скажите, пожалуйста, Антонина Николаевна, а вот ваши идеалы человеческие они были другими, чем у родителей?

В каком смысле человеческие?

Ну вот в людях вы какие качества ценили?

Я-то – в точности то же, что и у родителей. Ничего я от себя не изобрела, сказать вам честно.

И тогда, когда вам было лет 20, тоже?

Я думала, что я что-то такое свое изрекаю. А когда я стала постарше, я поняла, что у меня те же требования, когда еще сама особенно матерью стала... Пока еще я, так я думала, что я какими-то своими категориями живу. Ничего подобного! А когда я матерью стала, я смотрю: один к одному, как мама с меня, так и я со своей дочки требовала. Вот так. И вот все ценности такие, нравственные – да, я точно стою на тех же традициях. Я не знаю, а чего еще тут можно прибавить?

Что-то другое, что-то советское не появилось у вас?

Нет. Нет. Что было советское? Что я как-то... ну получала удовольствие... Ну нам было интересно на демонстрации ходить. Мне было это просто интересно. Вот мы идем, песни орем, то, другое, это когда я в школе была в Пестове. Но уже когда я была в институте, и было

посещение обязательное... Ведь в школе еще если кто-нибудь скажет: на демонстрацию не пойдешь, вот так! Старались выслужиться, чтобы попасть на демонстрацию. А нам учителя говорили, если что: - двоечники не пойдут. Вот как было поставлено. Там же никакого развлечения не было. А когда уже в институте была тягостно было мне, как-то меня унижало, я никогда не носила там портреты эти, флаги... Почему-то я считала, что это будет унижать мое достоинство. Так как я маленькая была, я так... где-то замешаешься. Как увижу, что кто-то хочет предложить, я, значит, смоюсь. Такая юркая была. Ну вот, это убивало. Но ходила. Как в институте-то уже? Всё. Староста группы дает списочек, кто был. А потом... Нас же после демонстрации в столовой кормили... */перерыв в записи/*

Лишь бы не выгнали, лишь бы мне остаться в этих рядах. Я благодарна советской власти, что дали мне дойти до упора, училась пока.

Антонина Николаевна, а когда вот вы выдумали свою легенду? Я помню, что вы рассказывали, что потеряли комсомольский билет... Или было так: вы поняли, что вас не приняли в вуз из-за того, что написали вы всю правду.

Да, я написала.

И вот тогда вы поняли, что нельзя правду говорить?

Да. И вот сейчас я расскажу. Вначале я потеряла комсомольский билет, у меня вытащили, я не потеряла. Я когда приехала где-нибудь там в августе, в конце, в Ленинград, поступать на второй курс. Первый курс я закончила медицинского института в Свердловске. А поскольку здесь уже сняли блокаду, мне сестра написала: - Приезжай, переводись сюда. Вот я и приехала. Проехать нельзя было. Мне сестра устроила, как будто я их сотрудница, поставила штамп в паспорте, как будто я счетовод, приехала в командировку. Ну и первое я рванула в Мариинку. Мне хотелось, что это за опера. Я слышу по радио, а как это выглядит, как это там люди не говорят, а поют. Вошла, где продают, в вестибюле кассы, и висит репертуар. Я вот так держу портфель, рот открыла и читаю. Боже мой! Какие оперы! Какие балеты! А у меня расстегнули потихоньку, а там сумочка была, и взяли. Я – ах! Нету. Но я решила, что я молчать буду. Когда я уже поступила в институт, я и не говорила, что я была комсомольцем. Так бы я должна прийти и сказать, что у меня открыли при таких обстоятельствах... Но я знаю, это могли исключить, там начали бы... А я как будто и не была. Вот. А когда я в партию поступала, меня один умный человек спросил: А в комсомоле вы были? А я, не моргнув, говорю: Вы знаете, у нас не было комсомольской организации, в такой сельской местности глухой училась. Я видела по лицу, что он мне не поверил, но сделал вид... А я ему благодарна за это до сих пор. Прошло. Так и с аспирантурой. А поняла я, когда я первый раз в свой педиатрический пришла, сдала экзамены, и вдруг мне никакого ни приветов, ни ответов. Я пошла узнать, в чем дело? Уже с 1 октября должны быть занятия. – Да вот, вас не утвердили, вот пятое, десятое. Я поехала в Москву, к министру. Министр сказал, что на будущий год приезжайте, вот нынче никак нет мест. Вы на будущий год приезжайте. Нам нужны кадры научные. Я приехала им рассказать, какой результат. Ну и с огорчением сказали, что вот на будущий год... Заведующая аспирантурой сказала. Я говорю, я уж, конечно, приеду на будущий год. Ну она видит, что я опять в это же лезу болото. Она меня спросила: - А что у вас было с отцом? – Я тут все и поняла. Никакого будущего года здесь не светит. Ну вот. И она тут сразу говорит, что вы идите в другое учреждение. И профессор мне сказал: - Институт физиологии, там на будущий год... А нет, я пришла, это я снова пришла. А нет, у них позже, в этом году. Он сказал: - Идите, там у них 30 аспирантских мест дали. Вот было такое постановление, чтобы быстро наготовить научных сотрудников. Вот я и пошла. Я уже все и поняла тогда. Написала все себе хорошо, биографию...

А вот скажите, за Знаменского, как его звали?

Георгий Николаевич

Вы когда вышли?

На четвертом курсе уже.

Это уже в Ленинграде?

Да, да.

В каком году?

В 1947 году я вышла. Он друг мужа моей приятельницы. Вместе, в одной группе мы учились. У друга была Надежда такая, она уже умерла. А у нее муж был бурят – Гавриил Ануев. И он после войны остался жив, мобилизовался, и они как-то там, с Георгием Николаевичем встретились.

Они учились вместе до войны, кончали Политехнический в одной группе. Ну вот. А Георгий Николаевич, значит, холостой. В ванне там живет себе. Все у него утащили соседи, кровать и все оставили. Ну вот. Ну моя приятельница, она такая очень... Говорит: - Я тебе найду хорошую жену, те-те-те... Я тебя познакомлю. Но вот и, значит, нас познакомили. И мы поженились.

И он ничего не знал до самого последнего времени, чья вы дочь?

Нет. Что вы? А я-то про него тоже ничего не знала.

/конец стороны В кассеты 2/

/Сторона А/

Пуганая ворона куста боится. Вот так.

Просто некоторые другие люди, с которыми я говорила, говорили, что сам факт репрессий мог быть причиной разрыва каких-то взаимоотношений с молодым человеком.

Наверное.

То есть вы этого боялись или вы боялись...

Я сейчас не могу точно сформулировать. Но это абсолютно не исключалось. Нет, мне казалось, что... он бы меня не бросил, так мне казалось. Вот. А что я родителей я как-то тоже предаю, про родителей расскажу, а родители, я знаю, как они дрожат...

То есть родители боялись и не хотели, чтобы знали.

Да, да.

А мог муж об этом узнать и...

А вдруг кому-то скажет, пятое-десятое.. Хотя я так видела, что вроде он малоразговорчив, он весь в себе был. Мне тоже было не понятно, что он такой. Ну вот. А вот когда второй муж, он выпивал, я боялась сказать. Думаю, по пьянке... В одном институте, сразу тут будет всем. Вообще... Ему-то я вообще, боже... Но он какой-то хитрый, он говорит: а я вот что-то догадывался. А чего его мать меня вдруг спрашивает: - Тоня, а твои родители не раскулаченные? Я около грядки полю. Я думала, я тут же носом сунусь. Это же надо? Она член партии была, такая... А у самой муж был тоже по 58-й. А она играла роль такую – морально высокого партийца. Ну вот. Я так и замерла!

И что вы ей сказали?

А я сказала: «Нет, обыкновенные родители. А почему у вас такой вопрос возник?» Она стояла, а я работаю на грядке. Она говорит: «Да очень хорошо ты работаешь». Вот я где себя продала! */смеется/* А она тоже крестьянка, она видела все, поняла.

Антонина Николаевна, я помню, что еще давным-давно, когда вы к нам приходили на Черную речку, вы говорили про какого-то летчика, то ли роман у вас с ним был, то ли что?

Ой-ой-ой! За самое большое...

Большое, да?

Это такая страница моей биографии, которая, кажется, никогда не закроется.

К нам в Пестово раненых стали присылать. Школы закрыли, сделали госпитали, клуб закрыли. Понятно. Потом вдруг к нам базироваться прилетели, приехали первый авиационный полк. И командир у них был полковник Преображенский. У нас даже улица сейчас в Пестово есть Преображенская. Нет, ну вы себе представить не можете... Летчики! У них такая форма! Молодые ребята, красавцы! Мы-то все обалдели, девчонки. Ну вот. В деревне же жили, вот свои только ребята и всё. А у нас был кружок. Наш учитель, Александр Михайлович Михельсон, он немецкий у нас вел, сразу организовал кружок. Мы там подготовили номера, и сразу по госпиталиям ездили, выступали. Тогда это было обязательно. Ну вот. Я читала. Плясать я не осмеливалась, петь тем более, я читала, я читала в школе на всяких этих... стихи. Ну вот, и чего я выбрала? Я, конечно, выбрала «Дубровского», свидание Маши с Дубровским, когда они договаривались куда-то положить в дупло кольцо, еще там какие-то отрывки. Это в клубе было. Ну, клуб большой, клуб все же для садоводов, большой, кинотеатр был. И весь зал этот был – койки, койки, койки, только узкий проход туда. На сцену мы прошли. Когда я уже уходила, мне вдруг говорят: «Тоня, иди, тебя зовут». А там маленькая комнатка, как гримерная или что, за сценой была. Лежит один больной, такое очень симпатичное лицо интеллигентное. Вы, говорит, читали «Дубровского»? – Я. Он говорит: - Читайте Твардовского. А я так на него, видно, посмотрела не с очень большим доверием. Он говорит: - Сейчас это хорошо пойдет, поверьте мне. Я режиссер из театра Ленсовета. */смеется/* Можете себе представить? Я говорю: «Ладно».

Я вот выучила Твардовского, про Васю Теркина, там, такие серьезные сцены и веселые, с шутками. Вот. Ну и у меня, как у самой деревенской, это очень (он прав, конечно) очень хорошо пошло. Встречали меня обалденно. Ну и, значит, тоже... Сказали, что надо к летчикам, концерт им дать. Слышали, что есть тут такая группа, понимаете, труппа. Мы и поехали. Ну и ребята, молодые, сидят. Вообще, так интересно. И они тоже там давно уже болтаются, девчонок-то не видели. Ну вот, выходит такая пигалица, как я, прочитала – аплодисменты, «бис» орут! Я еще прочитала, еще прочитала. Но потом уж сказали: все, нам пора, надо ехать. Ну вот.

Через несколько дней у нас танцы в клубе, и летчики туда, видно, отпросились или что. Много приехало. И вот, среди них один, ну раскрасавец – Василенко Григорий Григорьевич. Высокий, с таким мягким выговором украинским. А у нас была учительница по литературе – она нам так преподавала Гоголя! Украину мы обожали уже! Какая-то сплошная была романтика – все, что связано с Украиной. А тут вот живой украинец. Мы же не видели, как они выглядят. В форме. И приглашает меня танцевать. И приглашает, и приглашает. И провожать меня пошел. Потом я... А я работала тогда директором клуба пионеров. Всех взяли, значит, меня туда направили. Сижую в своем кабинете, вдруг открывается дверь и входит этот... А звали его Жора. Григорий, но значит так. Тоже, видимо, немножко ему хотелось на другой лад, не на деревенский. Входит этот Жора. А я: - А как вы меня разыскали? Он говорит: - Я встал посредине базара и первую девочку спросил, ты не знаешь, где Тоня Головина, она мне сказала – она там-то. Ну лясы-балясы. Ладно. А это называлось: спикировал. Раз в самоволку ушел... Самоволка – это же военный суд. Если, не дай бог, во время войны, всё, расстрел, если ты без разрешения ушел. Вот тоже такие... Что молодость-то делает! Подумать... Ну, там еще пришел, там танцы были. А потом заявился и домой. Я сижу, смотрю: ой, боже мой! Мама говорит: - Батюшки, там какой-то военный идет. Я говорю: - Мама, это ко мне. Ну вот. Ну посидели. Мама предложила молока парного. Он говорит: - Разве можно сейчас, во время войны, парное молоко? Она говорит: - Так как же? У нас корова. Он даже удивился. Вот уже перестройка. Он выпил никак целый литр. Тоже сельский парень. Он учитель литературы, как его... русского языка и литературы... И вылилось это все у нас в том, что в один прекрасный день он приходит, делает предложение, моим родителям. Отец сказал: - Тоня, ты выйди. Это летом было. Я вышла на крыльцо, стою долгонько там. Отец не сразу соглашался – потом мама мне сказала. Отец долго не соглашался. Потом он сказал: - Батя, я такой девчонки еще не встречал. А, может быть, война пять лет будет, так что, нам мучиться пять лет?

А что, отец предлагал после войны?

Видимо, видимо, наверное. Не очень-то у нас вот так вот родители, чтобы с детьми, но вот это мама мне рассказала. Ну что? Пошли, записались, свадьбу какую-то тут сыграли, все, как полагается. И его на две недели как бы прикомандировали в Пестово, какую-то там работу дали, пилить, строгать, не знаю, чего-то там. Он говорит: - Неважно я бы хоть кем пошел. А потом его так уже отпускали все же к жене, я к нему ехала. Ну вот. А что кончилось? – Кончилось. Погиб он, пришла похоронка, вот и все. Но это очень было сильное чувство. И вообще, как это такое пережить. Большой крови мне это все стоило.

Вообще-то, наверное, дурочка я. Чего уж так переживать-то? */смеется/*

Это в 41-м году было все?

Он погиб в 43-м. Потом их куда-то направили в другое место. Он там летал, писал письма, всё. А я уже... Здесь дом пионеров закрыли, курсы трактористов организовали, а меня – в школу преподавать, пятые, шестые, седьмые классы, математику и физику. Тоже учителей взяли *(смеется)*. Я там преподавала. Дело уже тоже было к весне. Это был 43-й... 42-й год. Вот. Вдруг дверь открывается... Я веду урок, вдруг дверь открывается, входит жена моего старшего брата Настя. Вдруг она входит. Я выхожу, говорю: чего? – Жора приехал. А я говорю: Где он? – А в учительской. А я говорю: - Пусть подождет. */смеется/* Ну, дурочка! Бросила бы и... А я говорю: - Пусть подождет. Сейчас урок кончится. А директор у нас была Прасковья Дмитриевна. Она в гражданскую войну была комиссаром... В общем, такая революционная женщина, но чуткая такая, человечная. Когда он пришел, значит, ну они знали, что у меня там-то муж и все. Он сказал, что вот... Да, он пришел в учительскую. Учителя, там кто-то был, у кого урок не занят. Она всем сказала: - Перейдемте ко мне в кабинет. Антонина Николаевна с мужем должна поговорить. У меня как раз был последний... Урок кончился, я, значит, выхожу.

Ну, пошли мы домой. Ладно. Он у нас тоже несколько дней побыл. А потом он сказал, что нам дали новые самолеты, они в каком-то отношении лучше, а в каком-то... А он был не сам летчик, не вел машину, а радистом был. «А вот место радиста совсем не защищено». У него было какое-то такое предчувствие, какие-то были фразы, что он как-то был немножко подавлен в душе.

«Так-то хорошо, но вот как это так, что он вроде на виду».

Ну и улетел. Не помню, сколько он, не так много побыл. Может с недельку.

Вначале писал, потом чего-то писем нет. Ну, во время войны – понятно. Куда-то там перебазировка и так далее. Подходит осень, а Мария и говорит: - Что ты, Тоня, время тратишь? Вот уже два года, третий. Поезжай учиться. – Вот я и рванула учиться. И уже там будучи в 1943 году, это уже был 1943 год, Маня прислала мне – пришла похоронка. Он погиб где-то там, в Прибалтике.

А как я за Георгия Николаевича? Его тоже Жорой звали. И когда я там пришла, нас познакомили – Жора. Всё, для меня уже он был самый лучший, милый человек. Думаю: - ну, судьба. Я уже не видела... И второй раз увидела, я бы даже не узнала, какое лицо, не важно. Он – Жора. То есть тот тоже был Жора, а какая внешность – не важно. Вот это у меня был единственный мотив. Вот так. И со вторым, видите, не получилось. Вот такая. Три раза выйти. А третий-то... У нас...мы так это, сходились нормально, хорошо.

А про родителей что вы знаете первого мужа?

А что у него отца уже не было. Мать была... Ой, забыла сейчас, как зовут. Адрес даже знаю. Село Новаки, Полтавский район, село Новаки. Под Полтавой, там недалко. Он «з-пид Полтавы». Ну, женщина в колхозе работала, да и все.

А отца почему не было?

Просто умер, умер от болезни. Отца уже не было. А он был один сын. У него ни сестры, ни брата.

А родителям он нравился вашим?

Да как сказать? Я вот так сейчас расскажу. Какая-то женщина... вернее, не какая-то, там Виксна у нас была такая, литовка что ли. Вреденькая баба. Мама мне рассказывает. Я удивилась, что мама мне такую вещь рассказала. Он стоят, там давали отходы. У нас было - квас делали, и отходы такие хлебные, для коров мы брали. Медленно так текут. И стояла очередь там. А эта Викса жила недалеко. Ну маму знали соседи, чего-то разговорились. Я уже там училась, и похоронка была получена, и все. Ну вот, мы стоим, она говорит, я даже не знаю, чего она начала разговоры говорить. - А ведь Тоня у вас некрасивая. Ну как вот матери сказать? – Умная она женщина, пожилая. А мама и говорит: «Да, а муж зато, дак, такой, что хоть сама выходи замуж. Как пришел, говорит, свататься (ну, по-деревенски), так хоть сама выходи замуж!» Она и замолчала. /смеется/ Вы знаете, вообще это, конечно... Я не могу до сих пор понять. Ну, правда, я не знаю, чем я ему понравилась. Только сказал, когда мы уже поженились, чего-то там тетрадки, мол, - а он учитель, недавно еще там учил. У него двухгодичное было, такое неполное высшее образование. Чего-то там мои тетрадки смотрел. Я такая, вся отличница была. И он смотрит, что у меня, действительно, все пятерки. И он говорит: «Ну я бы тебе и по этому делу тоже пятерку поставил». (Показывает кивком головы вниз) Вот так. Уж не знаю, комплимент, или как это был. Ну вот.

Но в Пестове как все загудели, особенно эвакуированные. Что? Как? Ой, Тоня, ой надо же! Ой-ой, какая ты молодец! Ой, такой красивый! Такой...! Прямо все умирали. Проходу не было.

А вот был еще период, когда он жил у нас, и утром уходил как бы на работу. Я его провожала недалеко. Потом вернусь. Так многие бегут на работу, в окна видят все эти подробности. Все обсуждали, что как у них все по-настоящему или как.

А отец, он молчаливый, ну и... А очень он понравился моему дяде, который был священником. Он когда был на свадьбе, они так разговорились. Он хороший был рассказчик, этот Жора. Ну, преподаватель литературы – это тоже за что-то говорит. И очень умел так, уважительно слушать, и разговаривать, такая мягкость есть, такая украинская. И дяде Ване очень понравился. А отец у меня так – он все молчит, посматривает. Но, не знаю, когда где-то там были, и он мне написал, что нам теперь можно присылать посылки. «Если можешь, теплые носки, носовые платки» и еще что-то, уже сейчас не помню. Ну, я тут быстро всех организовала. Мы навязали не одну пару, а несколько. ... Так чтобы посылку послать. Ну я начала собирать, а отец говорит: - Ты сала ему пошли, а не ваши тряпки эти. Тем не менее, понимаете как. А мама говорит: - Ой,

и правда. А она умела кусок с мясом и салом запечь в тесте. Это получалось такое, как хорошая буженина или что-то в этом... Быстренько мама моя сварганила. Мы завернули в пергамент, тоже послали. Он пишет: - Ребята ели, так хвалили. Мама, папа, спасибо, мы еще такого не едали. Так что вот, видите, какое отношение!

Прислал мне фотографию. Там такая нежная надпись была, и я, не расставаясь, ездила, но когда я училась в Свердловске, в нашей группе училась жена секретаря партии Уралмаша, Вера Николаевна такая. Ну как-то вот она быстро тоже ко мне приклеилась, и мы с ней экзамены вместе, я ей помогала... Ну вот, конечно, я ей все это рассказала. Еще тем более я уже получила эту, похоронку. Ну, она видит, что я так страдаю, она говорит (видит фотографию): - Тоня, разорви эту фотографию. Ты всю жизнь будешь... Ну уже человека нет. Ты не забудешь, пока у тебя эта фотография. Тебе будет легче. В общем она долго уговаривала и уговорила. Я разорвала, а сейчас я жалею. А тогда она права, мне, конечно, было труднее. Это так отпечатано, что... Он мне, помню, такую фразу сказал: «Ты меня никогда не забудешь!» *(слезы в глазах)*

А он был старше намного?

Ну, уж немного! Мне было 19, а ему 22 года. Но мне все равно казалось, что он старше.

Вот скажите, а ему вы говорили подробности о ссылке, о раскулачивании?...

Боже избавь! Нет же, ну как же... Ну боже мой! Да я вижу, что у него мать в колхозе. Может она еще там и из бедняков, а тут кулацкая дочка! Нет! Это – начисто... Это все умерло и никогда никому не рассказывалось. Нет-нет-нет! Нет. Что вы?

Фантастика!

Вам это не понять, а это так естественно.

Вот объясните мне, пожалуйста. Ведь все-таки муж, вы с ним, ну не знаю... ну, спите в одной постели...

Да.

Вы ему готовите, кормите его. Он самый близкий вам человек.

И люблю, умираю...

Люблю, умираю... Как вот можно что-то скрывать? Как жить...

Да, да. А вот так. А страх, что нас тряханут, а он узнает, да уйдет у меня. Он узнает, что я кулацкая дочь.

И уйдет?

А как же?

Страх потерять его был?

Конечно, конечно. И страдание, что все это враньем еще дается... Это надо.

А это был все время страх?

Да, да. У меня все время там как пружина какая, чтобы не забыться и не проговориться. Что я как говорю, сразу оценивать: не подумали бы чего-нибудь, не догадались бы чего-нибудь. Это все время. Я недавно так уже посвободнее. А то еще и в начале перестройки... Нет, это было... Теперь как-то отхожу. И то, если компания, я никогда не откроюсь. Своим только. Этот страх останется на всю жизнь. Он никуда не девается, я думаю так. Я не знаю, как у других, а у меня... Все равно я буду это скрывать.

Вот у меня сейчас милые, хорошие соседи, очень хорошие соседи. Мы с ними так дружим и все. Но я им... Что это я им буду говорить? Я не скажу. Ну не знаю... Все равно боюсь и все.

Ну хорошо, а как можно было жить вот в этой вот, ну как... Ведь вы же понимали, что где-то все не так, как на самом деле, что человеческие ценности другие...

Все это ложь и фальшь, да. А мама всегда говорила: с волками жить - по-волчьи выть. Мама нам вот так долбила все время. Не то что именно по отношению к власти или что, не прямо, а косвенно. И у нее это... Вот сразу у меня эта поговорка вылетела: с волками жить – по-волчьи выть. И всё.

Ну а как же сущность-то своя человеческая? Человек страдает от этого?

Страдает. А что делать? Вот я и ублажала себя тем, что вот я зато учусь. Вот и всё. Вот вы, дураки, учите меня, кулацкую дочь.

Вы так думали?

Было. Были моменты.

Но никогда вы не жалели о том, что вы кулацкая дочка?

Нет, нет. Я даже горжусь этим.

И всегда гордились?

Да. Только вслух не могла сказать. А мне хотелось аж крикнуть. Но я знала, что это мне смертный приговор, считай, а я очень даже... Вот! Тут недавно мои родственнички эти новые русские, чего-то там мы делали... Свекор Любин говорит: «Антонина Николаевна, вот вы мне там лекарство привезли, мазь, а я что-то ею не пользуюсь. Может быть, обратно возьмете?» – «Возьму, возьму». А у меня соседка вон не ходит. Я сразу думаю: соседке отдам. Потом говорит: а вот поролон вам тут не нужен, он нам мешает? Я говорю: - Возьму, возьму. А эта тетка и говорит: - Ну, баба Тоня, как старая еврейка, все подбирает! Я говорю: - Миленькая моя, где пройдет кулацкая дочка, там еврейке делать нечего. Вот запомните! Теперь среди родных я могу вот так сказать. Вот. */смеются/*